

Дарья Иорданская

**Во имя
Абартона**

Дарья Алексеевна Иорданская

Во имя Абартона

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42832711
ISBN 9785449698940*

Аннотация

Леди Мэб Дерован и Реджинальда Эншо многое разделяет. Она аристократка, наследница старинного рода; он – простолюдин, всего добившийся благодаря своему уму и таланту. Они постоянно ведут войны и что-то делят: часы, учебные планы, с недавнего времени – жилье. А теперь еще и постель. Проклятье, которое обрушилось на них, приходится держать в тайне, чтобы скандал не разрушил репутацию Университета, и самостоятельно искать решение. Но, кажется, запрещенное зелье – не самая большая беда в Абартоне. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой делится время и пространство	6
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой вскрывается подарок и назревает война между Колледжами	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой проводится экскурсия и разбивается склянка	26
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой случается непоправимое и заключается договор	38
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Мэб ночью навещает Реджинальда, а утром нарушает один из пунктов пакта	52
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой в Университете неприятности	66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой говорится о предрассудках, а Мэб предпочитает паб пикнику	80
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Мэб разговаривает на самые неловкие темы, а Реджинальд испытывает неловкость сам	89
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Мэб слишком невнимательна для флирта, а Реджинальд слишком хорош собой в солнечном свете	101
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Мэб решает, что	113

ей не жаль кушетку, а Реджинальд варит свой особый ночной кофе	
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой многие необычные явления становятся рутиной	123
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Эньюэлс делает ход	131
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой намечается перемирие	145
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Во имя Абартона

**Дарья Алексеевна
Иорданская**

Si non caste, tamen caute.

Если не целомудренно, то осторожно

© Дарья Алексеевна Иорданская, 2019

ISBN 978-5-4496-9894-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой делится время и пространство

– Вы все еще здесь? – были первые слова Мэб, леди Дерован, когда открылась дверь.

– Куда я должен деться-то? – поинтересовался Реджинальд Эншо и зевнул.

Он посторонился, двигаясь, как обычно, лениво, сонно, заполняя своей неуклюжей долговязой фигурой все пространство небольшой прихожей. Мэб бросила взгляд на чемоданы, которые Ролло, шофер ее матушки, донес до крыльца и поставил на нижней ступени. В дом Ролло, гордый, как его предки-завоеватели, входить не пожелал. Когда он шел по дорожке, неся два этих несчастных чемодана, весь его вид, поджатые губы, стреляющие по сторонам колючие глаза, буквально вопили: оскорбительная плебейская нищета! Была в представлении леди Дерован также нищета благородная: сиротки, продающие на улицах кресс-салат, и их изможденные седьмыми или восьмыми родами матери, трясущейся, но благодарной рукой принимающие чашку супа. Отчего-то люди работающие, честно, со всей ответственностью, в число благородных не поступали. Сама Мэб регулярно подвергалась обструкции, когда кто-нибудь из родственников вспоминал «тот ужасный *demarche!*» восьмилетней давности.

В общем и целом Мэб была довольна своей жизнью, хотя каждый день ее и отравляли всяческие мелочи. Сейчас вот, чемоданы, плотно набитые книгами из семейной библиотеки, едва не попавшими на благотворительный базар; безделушками, которым на университетском базаре найдется место, и кое-какими ценными находками. Весили чемоданы немало, Мэб не была уверена, что сможет оторвать их от земли, тому же Ролло это давалось с трудом. Реджинальд Эншо не предлагал свою помощь, как, впрочем, и всегда.

Он уже ушел, оставив в крошечной прихожей стойкий запах трав, кожи и металла, всегда сопровождающий мастеров-артефакторов.

Мэб обернулась назад, на злосчастные чемоданы. Потом заглянула через узкий проем в гостиную. Устроившись в кресле на своей части этой весьма причудливо обставленной комнаты, – больше всего пострадавшей от длящейся уже семь месяцев войны, – Эншо читал газету. На плитке закипал чайник.

Мэб обнаружила вдруг, что устала, пропылилась настолько, что першит в горле, хочется чаю, хочется принять ванну, хочется содрать с себя проклятое дорожное платье, неудобные модные ботильоны, шляпку, в конце концов – хочется плакать. Всегда, возвращаясь из отчего дома, Мэб переживала эту неприятную минуту. Еще год назад, живя одна в роскошной профессорской квартире в Лидэнс-билд, она могла все это себе позволить: и поплакать, и пройтись нагишом

по дому. Теперь же, деля коттедж с Эншо, Мэб вынуждена была постоянно оглядываться, напрягаться, соблюдать шаткий нейтралитет в их ставшей бесконечной войне.

Иногда, как сейчас, проблема решалась элементарно. Нужно было только подойти к Эншо, улыбнуться и попросить медовым голосом: «Реджинальд, вы не могли бы занести в дом мои чемоданы?» Но все это, начиная с улыбки, застревало у Мэб в горле, а любезность разбивалась о высокомерное безразличие Эншо. Мама называла это «плебейским гонором черни».

Бросив последний взгляд на чемоданы, Мэб оставила их, где стоят, и взбежала наверх.

Коттедж был невелик. Строили его когда-то для размещения на короткий срок гостей Университета, причем, гостей невысокого достатка, малых запросов, словом, не особенно ценных и желанных. Комнатки ни в какое сравнение не шли с привычным Мэб. В квартире в Лидэнс-билд у нее гардеробная была таких же размеров, как тут спальня. В ванной здесь едва помещалась эмалированная, расписанная ужасно безвкусными розанами ванна, раковина, а за деревянной створкой скрывался ватерклозет. Только одно примиряло Мэб с действительностью: мама пришла бы от увиденного в такой ужас, что онемела бы примерно на сутки. Но, конечно, леди Дерован никогда бы не посетила это скромное жилище: оно ведь расположено в университетском кампусе, и блудная дочь делит его с мужчиной!

Мэб щелкнула задвижкой, сбросила платье на пол и открутила краны. Вода потекла не сразу и как-то неуверенно, но Мэб давно уже научилась справляться с этой проблемой: нужно просто стукнуть по трубам хорошенько. Первое время она пыталась бороться с мелкими неурядицами этого дома при помощи магии, но быстро потерпела неудачу и пришла к выводу, что дедовские способы ничуть не хуже. В конце концов, даже почтенная декан Боделин не гнушается их применять и частенько лупит по своему хрустальному шару, когда тот забарахлит.

Забравшись в теплую воду, пахнущую розами, Мэб откинулась на бортик и прикрыла глаза. Нужно выдохнуть, выкинуть все из головы. А завтра нужно сделать вид, что уютная поездка в имение была не ежесезонной пыткой, а приятными каникулами, что встреча с семьей подбодрила и воодушевила. С каждым таким выездом делать вид становилось все труднее. Бабушка выживала из ума, мать год от года была все надменнее и сварливее, тетушка – все желчнее, а сестра и кузины... Мэб часто приходилось слышать, что мужчины в семье Дерован умирают молодыми по одной простой причине: не желают причинять лишние неудобства своим дамам. Иногда казалось, что это чистая правда. Мэб с тоской вспоминала отца, веселого, энергичного, деятельного. Приезжая с заседания, уставший, с гудящей после жарких дебатов головой, он с радостью превращался в рысака и катал крошку-Мэб по коридорам и лестницам особняка.

Что это был за конь! С лоснящимся крупом, с сияющей шелковистой гривой, в которой путались звезды. И что это был за отец!

Мэб села, потирая лицо, отгоняя непрошенные слезы. Нынешняя поездка далась ей сложнее прочих. В этот раз на ежегодный весенний бал в имение нагрянули Женихи. Они ели, пили, отпускали сальные шуточки, думая, что их никто не слышит и не понимает, и обсуждали достоинства Мэб, точно она была породистой кобылой. Рассуждали о ней, как о пригодной к случке суке! А потом кто-то пустил слух, что невеста вопреки принятым в высшем свете обычаям далеко не невинна, шуточки стали еще грязнее и резче, и дело закончилось грандиозным скандалом. Леди Дерован изволили наорать на дочь, и полный гнева голос матери все еще звенел в ушах.

– Putan! – кричала леди Дерован, путая языки. – Шлюха! Проклятая дрянь! Ты допустила, чтобы о тебе в Обществе говорили подобные вещи! Ты позволила людям думать, будто ты – благородная дама! – утратила свою невинность, словно какая-то крестьянка! Ты не вернешься в этот рассадник разврата и порока, Мэб! Я обговорю все с лордом Дансю, он готов взять тебя и опозоренной. В любом случае, после свадьбы ты должна будешь оставить свою позорную работу.

Не желая ничего объяснять, Мэб в тот же час собрала свои чемоданы и покинула Имение.

Запах роз обернулся вдруг гнилостной вонью. Мэб чер-

тыхнулась, прогнала наваждение и, выбравшись из воды, завернулась в широкое банное полотенце. Из небольшого зеркала над раковиной на нее мрачно глядела красивая молодая женщина. Красивая, молодая, занятая делом и свободная от предрассудков, и в Бездну маму, тетушку, сестру, кузин и всех женихов разом! Не думать же о них теперь!

В дверь настойчиво постучали.

– Профессор Дерован.

Мэб коротко чертыхнулась, сбросила влажное полотенце, влезла в широкий бархатный халат и, придерживая его у горла, открыла задвижку.

– Что вам нужно, профессор Эншо?

– Ваши чемоданы, – буркнул Эншо, не удостоив ее взглядом. – И впредь потрудитесь нанимать носильщика.

Мэб дождалась, пока он скроется за поворотом короткого коридорчика, и, побряхтывая совершенно неаристократично, втащила чемоданы в свою комнату.

* * *

Реджинальд давно пришел к выводу, что Мэб Дерован получает удовольствие, испытывая пределы его терпения. Раньше терпеть ее высокомерие было проще: их разделяло шесть кварталов обширного студенческого городка и по меньшей мере четыре университетских здания. Иногда случалось пересекаться в библиотеке, в столовой, конечно –

на общих собраниях, но там отлично удавалось соблюдать дистанцию. Единственным полем боя были учебные планы, которые перекраивались по живому. Мэб Дерован, одаренный теоретик и историк, с пеной у рта доказывала, что лишний час жизненно необходим студентам для прослушивания курса «Артефакторика, – если уж вам так нейдет, – тринадцатого века на примере Короны Альфубы». Реджинальд со своей стороны упирал на практику и обещал эту самую корону со студентами повторить и без лекций профессора Дерован. Битва шла пятый год, число побед у обеих сторон было примерно равным, корону так никто и не повторил, и один только ректор ухитрялся находить во всем этом выгоду: занятия проводились профессорами с особой страстью, когда они желали доказать что-либо друг другу.

– Милый Реджи, – улыбался ректор на просьбу Реджинальда найти уже ему другого компаньона, сменить правила университета или хотя бы позволить уволиться, – ну где я вам найду специалиста лучше нашей Мэб? Она унаследовала в полной мере дар своей великолепной прабабки, история раскрывается перед ней. Наша Мэб – подлинная королева удачи. К тому же, признайте, вам будет скучно работать с Бартоломью Разовичем, к примеру.

Реджинальд соглашался, что да, Разович – не вариант, называл иные имена, смирялся с тем фактом, что ректору нравится наблюдать за непрекращающейся войной своих подопечных. А потом случилось то неприятное происшествие

в Лидэнс-куотере. Во всем были повинны эксперименты одного из профессоров с отделения техномагии, но в глубине души Реджинальд подозревал, что это происки Дьявола или же ректора. Иногда казалось, что Михаэллис вон Грев – его земной наместник. От шести великолепных зданий Лидэнс-куотер, парка, конюшен – по счастью, пустующих – и лабораторных корпусов остались руины. Никто, кроме экспериментатора, не пострадал исключительно по случаю: леди Уобли, третьекурсница-скандалистка, устроила очередную драку в столовой, ее разнимали, потом разбирали дело, потом со всей обреченностью пили в пабе, оплакивая то обстоятельство, что нельзя выгнать из университета дочь одного из главных попечителей. Взрыв произошел в тот самый момент, когда профессура, большей частью пошатываясь, возвращалась домой. В порыве благодарности за спасенную жизнь Реджинальд простил юной скандалистке несданный зачет. А часом позже выяснилось, что для всех профессоров не найдется свободных квартир. Так Реджинальд оказался вынужден делить с леди Дерован не только студентов, часы и общий стол в столовой, но еще и дом.

Для двоих коттедж был слишком мал. Безусловно, Реджинальду приходилось оказываться и в значительно более стесненных обстоятельствах. Однако никогда еще совместное проживание не становилось до такого степени пыткой. В первый день они устроили безобразную свару из-за спален. Инициатором была, конечно, леди Мэб, которая четырежды на-

зло меняла свое мнение, но и Реджинальд был хорош. Что стоило ему промолчать и уступить? Однако, эта женщина будила в нем темные первобытные инстинкты. Ни одного еще человека, будь то мужчина или женщина, ему не хотелось... покорить? Неудачное слово. Поставить на место? То же не вполне то... Победить. Да, победить.

На следующий день они поделили библиотеку, которая служила обоим также и рабочим кабинетом. Книг у обоих скопилось столько, что шкафов ощутимо не хватало, и из-за места на полках война все еще продолжалась. Еще через день была разделена гостиная, причем буквально – пополам. Леди Дерован достала из кармашка ярко-алый мел и провела черту. Комната оказалась весьма причудливо обставлена, превратилась в помесь дамского будуара с уголком мужского клуба, иногда, стоя на пороге, Реджинальд ощущал, что его мутит от открывающейся двойственности. Хотелось подойти и разломать изящную кушетку времен королевы Алиенны, всю в завитушках и розочках и вышитых подушках, расколотить чайенский фарфор на горке и порвать портрет в позолоченной раме. С него на Реджинальда неодобрительно взирал черноусый красавец лорд Дерован и словно говорил: я знаю, что в твоей голове творится, мальчик-грум.

В этом была еще одна проблема. Леди Мэб Дерован была невероятно хороша собой. Иногда, забывшись, она теряла привычную маску самодовольного превосходства, и начинало сосать под ложечкой. Что-то особенное тогда чуди-

лось в этой красоте, поистине колдовское, перед чем хотелось преклоняться. А иногда, словно позабыв, что перед ней молодой здоровой мужчина – или же, как казалось порой Реджинальду, желая указать ему место, – Мэб Дерован показывалась вот так, с влажной после ванны кожей, в одном халате, и тогда трудно было оторваться от капель воды, стекающих по гладкой щеке и шее.

«Ты для нее – носильщик, – одернул себя привычно Реджинальд. – Мальчик-грум. Выкинь-ка из головы эти глупости».

И, спустившись на первый этаж, он, налив себе чаю, углубился в дела куда более реальные и насущные. Учебные планы требовали пересмотра.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой вскрывается подарок и назревает война между Колледжами

Заведующей Университетским музеем Мэб вызвалась стать добровольно еще в студенческие годы и с тех пор не раз, и не два, и даже не десять раз пыталась скинуть с себя это ярмо. Должность была почетной, а потому неоплачиваемой, а музей больше походил на свалку древних артефактов, утративших силу и никому не нужных. Для исследователя это место представляло определенный интерес, потому что на протяжении десятилетий, а может быть, и веков это место содержалось в чудовищном беспорядке. Казалось порой, что здесь можно сыскать саму Чашу Праха, утраченную тысячу лет назад. Сейчас Мэб не отказалась бы от этого сокровища, ведь оно, согласно народным преданиям, не только оживляло мертвых, но и избавляло от похмелья. Вчера вечером Мэб самым бессмысленным образом напилась. Она спустилась в гостиную – с восьми до полуночи эта комната была в ее распоряжении согласно договору, который был составлен, кажется, на второй неделе совместного проживания. Устроившись на кушетке, Мэб откупорила бутылку варсенского крепленого и пару часов пила, жалуясь отцовскому портрету на жизнь, на ссору с матерью, бытовые неурядицы и при-

ближение весенних экзаменов. И вот, с утра она проснулась здесь же в неудобной, какой-то постыдной позе, свесившая голову с кушетки и утопившая волосы в варсенском. Пришлось вскакивать, борясь с головной болью, промывать волосы, сушить их магией – Мэб терпеть этого не могла, рожденный чарами горячий воздух портил прическу, и выбегать из дома. Реджинальд, на свое счастье, уже ушел на утреннюю лекцию, а вот Мэб на свою опоздала. Швырнув студентам стопку тестовых работ, она послала ассистента за кофе и примерно полчаса медитировала, но ситуацию это никак не исправило.

– Чаша Праха, – мечтательно проговорила Мэб, заглядывая в прохладу старого музейного хранилища. – Где же ты?

Каталогизировать университетскую коллекцию Мэб начала около девяти лет назад, но так и не продвинулась дальше первого шкафа. Наверное, не стоило начинать с медальонов-амулетов, но в те годы именно они интересовали юную студентку Дерован больше всего. Сейчас уже поздно было что-либо менять. Сверившись с каталожным ящиком, Мэб вытащила не до конца развеявший свои чары целебный диск и приложила к виску. Боль понемногу ушла. Вернув диск на место, Мэб устроилась в вертящемся кресле, раскрыла тетрадь и нашла чистую страницу.

– Вы все в трудах, леди Мэб, дорогая.

Голос ректора многократно повторило коварное музейное эхо. Мэб оглянулась через плечо и улыбнулась.

– Эншо украл у меня четыре часа, как вы знаете.

Ректор поморщился.

– Не украл, ангел мой, не украл! Вы ведь знаете, как важен этот факультатив в свете новых распоряжений министерства о...

– Дополнительных экзаменах на звание королевского артефактора, – Мэб досадливо поморщилась. – Я иногда не могу понять, вы пишете Эншо речи или наоборот – пользуетесь его наработками?

– Осенью факультатив будет у вас, – пообещал ректор.

– Может быть, лучше помощник? – Мэб с тоской оглядела заваленный бумагами и коробочками стол. – Ох, ректор, право, удачно, что вы зашли. Моя дорогая кузина Анемона решила преподнести Университету драгоценный подарок.

Михаэллис вон Грев был достаточно близко знаком с хронически незамужней Анемоной Девар, а потому скривился так, словно съел лимон.

– Еще одна сонетка?

– О нет, не беспокойтесь. Дорогая кузина, кажется, оставила попытки выйти за вас, – Мэб с трудом спрятала улыбку. Ногтем разрезав воздух, она извлекла из магической суммы небольшую шкатулку. Во все стороны полетела мелкая пыль. – А-апчхи! Анемона нашла это в своем коттедже на чердаке. Судя по клейму, там определенно что-то магическое.

Ректор задумчиво кивнул, водя пальцем по крышке.

– Вы заглядывали?

Мэб покачала головой.

– Увы, не было времени. Желаете открыть?

Вон Грев забрал у нее ключи и, хмыкая в ответ на какие-то свои мысли, открыл небольшой замочек. Откинул крышку. Внутри шкатулка оказалась значительно больше, чем это можно было предположить.

– Пространственная магия! – восхитился ректор. – Отменно сработано.

– Жаль, что из-за частых сбоев от нее пришлось отказаться... – встав с кресла, Мэб по пояс залезла в шкатулку, оказавшуюся на поверку объемистым сундуком, заполненным книгами, коробочками и свертками. – Мне бы не помешал такой шкаф, в мой платья уже не влезают. Здесь, насколько можно понять, артефакты и книги по артефакторике. Бог ты мой! «Серебряное зеркало», 1624 год, Бремен!

– Пожалуй, мы не будем говорить леди Девар, что это поистине царский подарок, – кисло улыбнулся ректор. – Мне бы не хотелось выражать...

– Да, кухня может ожидать особой благодарности, – ухмыльнулась Мэб. – Я изучу содержимое, а потом передам книги в библиотеку.

– Возможно... – осторожно начал ректор.

– Нет, я не буду прибегать к помощи Эншо, – отрезала Мэб, мгновенно поняв, к чему он клонит. – Благодарю покорно, я справлюсь.

– По крайней мере сообщите ему, что мы теперь располагаем экземпляром «Зеркала». – распорядился вон Грев. – Он недавно просил меня раздобыть хотя бы неполный список. Мэб, я бы и сам, но, видите ли, у меня ужин сегодня с попечителем. Ах, да, у меня к вам просьба.

Мэб вскинула брови, придав своему лицу выражение вежливого, ничего не обещающего ожидания. Просьбы ректора были зачастую неудобны и неприятны, особенно когда дело касалось попечителей. Мэб совершенно не хотелось отправляться на ужин с очередным престарелым лордом, который будет три часа рассказывать ей «комические» истории своей молодости, связанные с «бедным покойным стариной Дерованом». Отец, должно быть, в гробу вращался, слыша эти чудовищные «забавные» рассказы.

– Вы не могли бы устроить нашему гостю небольшую экскурсию сегодня? Кристиан Верне много лет провел в колониях, и ему прежде не доводилось бывать у нас.

– Кристиан Верне? – все раздражение разом схлынуло. Вспомнилось привлекательное, утонченное, породистое лицо, совсем недавно мелькавшее на страницах светской хроники. – Тот самый миллиардер из Западной Ватаи?

– Я знал, знал, ангел мой, что вы заинтересуетесь, – ухмыльнулся вон Грев. – Сегодня в четыре я буду ждать вас у Скульптуры. Буду рад вас познакомить. Надеюсь, я могу рассчитывать, что вы угостите нашего гостя ужином.

– Ужином нашего гостя угостит паб «Под крылом у Мо-

рвенны», – фыркнула Мэб. – Но я могу пообещать отличную экскурсию, он не заскучает.

– Не забудьте про наших призраков. Рассчитываю на вас, профессор Дерован, – ректор дежурно склонился к руке Мэб с поцелуем и выбежал.

Забавно было наблюдать, как он – весь такой пухлый, круглый и немного нелепый – катается точно мячик по территории Университета, ухитряясь оказываться везде одновременно. Мэб он в целом нравился, но ей всегда казалось, что нечто не вполне приятное кроется за приветливой улыбкой Михаэллиса вон Грева. Во всяком случае, его не стоило недооценивать. Он хотел что-то получить с попечителя, а следовательно, в ход шло самое лучшее оружие – красота Мэб Дерован. В другое время она бы оскорбилась, но не сейчас. Ей самой хотелось познакомиться с Кристианом Верне, так что это был, скорее, удобный случай. Мэб завела будильник с расчетом, чтобы у нее был примерно час – переодеться и привести себя в порядок, – и вернулась к содержимому шкатулки кухни Анемоны.

* * *

После утренних занятий у Реджинальда образовались редкие полчаса свободного времени. Идти в столовую и сталкиваться с деятельным ректором и его богатым гостем, о котором с самого утра сплетничали и студенты, и некоторые

преподаватели, совершенно не хотелось. Реджинальд свернул от университетских корпусов в парк, у торговца каштанами купил пару мешочков этого лакомства – сладкое было среди его редких, непредосудительных слабостей – и устроился прямо на траве, набросив на нее легкую кисею защитного заклинания. Каштаны были свежие и вкусные, небо синим с редкими легкими облачками, словно нарисованными акварелью. И день был приятный и тихий, если не задумываться о том, что царит за пологом тишины, обычно окутывающим парк.

Реджинальд не один год пытался изучить это занятное явление. Вроде бы, никто из университетских магов не накладывал на парк чары, как и на лодочную станцию возле Длинного Озера, а до постройки Университета здесь была лишь чащоба, настолько непроходимая, что на нее не заявляли свои права ни лэрды, ни маги. Ни одного некроманта здесь не водилось, здесь не высились в древности зловещие башни, и святые тут также не ступали на землю. И все же, словно кто-то благословил эти места. Тут было тихо и покойно, и так хорошо было лежать, закинув руки за голову, разглядывая небо.

Однако, иногда эта чудесная особенность парка играла с посетителями злую шутку. Шум все же добрался, обрушился разом, громкий, полный гнева и обиды. Перепалка. Досадливо морщась, Реджинальд поднялся, сдернул кисею и развеял по ветру. Сунув пакетик с недоеденными кашта-

нами в карман, он пошел на этот шум, обогнул кусты и наткнулся на добрую дюжину красных от гнева четверокурсников.

Большинство из них принадлежало к Колледжу Арии, они стояли тесной сплоченной кучкой, выставив перед собой руки с перстнями и зачем-то сжав в кулаки. Не вполне было понятно, собираются ли они колдовать или же кидаться в рукопашную, чтобы решить конфликт при помощи старой доброй драки. Напротив них стояли, величественно, точно шпили Королевского Собора, трое студентов Королевского Колледжа. На лицах их застыло привычное выражение скуки и безразличия.

– Барнли, Эскотт, Миро? – Реджинальд повернулся к арийцам. – Хэсс, Лугансон, Вайли, Смит, Рочстер, Экклесон, Эштон. Потрудитесь объяснить, что здесь происходит?

– Кое-кто забыл свое место, – немедленно отозвался Миро, известный заводила, родившийся в семье герцога вполне буквально с золотой ложкой во рту. Ну, или в заднице, как обычно казалось Реджинальду.

– Именно так, профессор, – подтвердил Смит, сверля противников взглядом. – Они... Они...

Воздух завибрировал от с трудом сдерживаемых заклинаний. Хорошо еще, никому из студентов не пришлось в буйную голову снять перстень и колдовать в полную силу.

– Прекратить! – Реджинальд набросил на обе группы спорщиков полог, заслужив полный ненависти взгляд Ми-

ро. – Что здесь происходит? Миро? Смит? Я вас слушаю.

– Кое-кто... – процедил юный герцогский наследник.

– Это я уже слышал.

Смит, а следом за ним и его приятели отчаянно покраснели.

– Я жду, – напомнил Реджинальд. – И недолго. У меня через десять с половиной минут начинаются занятия. К слову, Миро, Эскотт, вас я на них давненько не видел.

– Эти... люди, – выдавил Миро, явно имея в виду что-то другое, – осмеливаются нарушать устои и традиции, в которых ничего не смыслят.

– Это, интересно, какие?

– Они осмелились создать... клуб! Студенческий клуб! – возмущение юного Миро выглядело неподдельным и оттого еще более комичным. – После того, как они отказались проходить посвящение в...

– Посвящение?! – вспыхнул Вайли. – Вы называете посвящением ту свальную оргию, в которой участвуете?

– Да что ты делаешь здесь, пасторский сыночек?

– Ах ты!

– ДОВОЛЬНО!!!

Реджинальд редко прибегал к магии, имея дело со студентами. С годами она пропитала всю его жизнь, и зачастую проще было щелкнуть пальцами, чем встать и налить себе чашку чая. Но он всегда помнил, как неприятно становится в юном возрасте объектом чужого колдовства. Однако сей-

час терпение его лопнуло. Среди ясного синего неба сверкнула молния.

– Мне это надоело, молодые люди. Вы немедленно отправляетесь на занятия, а после – в дисциплинарный кабинет, где подробно излагаете причину, по которой до конца недели будете перекапывать грядки в оранжерее. Для справок, это: неподобающее поведение, драка, несанкционированное применение боевой магии, я все видел, Вайли, Лугансон, Барнли. И если я хотя бы еще раз, Миро, услышу о вашем клубе и его любопытных обрядах, вами заинтересуется Совет. Вон отсюда!

Заклинание, туго спеленывающее молодых людей, вышвырнуло их из рощи. Миро, обернувшись напоследок, показал неприличный жест и пробормотал какое-то проклятье. Брошенное неумело, через волны чужих чар, оно рассыпалось искрами у ног Реджинальда.

– Отвратительный парень, – проворчал продавец каштанов. – Вам бы быть с ним поосторожнее, профессор. Мстительная порода.

– Я переживу, – пообещал Реджинальд, купил еще один пакетик каштанов и отправился на занятия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой проводится экскурсия и разбивается склянка

– Леди Мэб, – ректор первый поднялся со скамейки, прервав беседу, и склонился к руке Мэб. – Позвольте вам представить: Кристиан Верне.

Он был даже лучше, чем на снимках. Фотографии не могли передать харизмы, того почти животного обаяния, которым дышал этот поджарый загорелый человек в белом костюме, великолепно оттеняющем насыщенную смуглость его кожи. А вот волосы у него наоборот – выгорели и казались золотыми нитями. Они искрились на солнце, притягивая к себе взгляд.

– Леди Мэб, – Верне также поцеловал ей руку, и пришлось подавить дрожь. Легкое прикосновение обещало слишком многое. – Как я счастлив нашей встрече. Я надеялся застать вас на ежегодном балу вашей матушки, но, увы, прибыл слишком поздно.

– Это я уехала слишком рано, – улыбнулась Мэб не в силах противиться яркой белозубой улыбке. – Но теперь я полностью в вашем распоряжении. Экскурсия?

Верне предложил локоть, и Мэб оперлась на него, вдыхая терпкий, сладковатый, даже слишком на ее вкус, но все рав-

но будоражащий воображение аромат парфюма.

– Идемте, леди Мэб. Это я полностью в вашем распоряжении.

В Университете, безусловно, было на что взглянуть. Его заложили шестьсот лет назад и с тех пор неоднократно расширяли и перестраивали, наполняя произведениями искусства и магическими чудесами. В одном месте высилась изящная, витая, точно игла колющая небо башенка Астрономической коллегии. В другом раскинулась библиотека, построенная по проекту самого Дебанорры, с прозрачным куполом, позволяющим читать в свете звезд и лун магические книги. Аллея Ректоров тянулась с севера на юг, и каждый бюст был чем-то примечателен. Кто-то – выдающейся личностью, которую он запечатлел. Кто-то курьезами и студенческими байками. Мэб всегда здесь нравилось.

Магический дар у нее проявился рано. Он становился в семьях старой знати все большей редкостью, и потому, не слушая возражений жены – леди Дерован всегда испытывала к волшебству определенную неприязнь и даже брезгливость, – отец взял девятилетнюю Мэб и привез сюда. Поставив ее на бортик фонтана, где резвились чудесные золотые рыбки, он отправился за ректором, а Мэб успела нажелать-нагадать себе разных чудес. Золотые рыбки ее слушались.

– Но вас же не приняли на учебу в таком юном возрасте? – Верне обернулся на фонтан, мимо которого они проходили.

– Конечно, нет, – рассмеялась Мэб. – Я поступила в подготовительную школу, потом в Академию леди Фавори, и только в шестнадцать попала, наконец, в эти стены. Не раньше, чем все остальные. Но я уже знала, что меня ждет.

– И, обладая даром, вы всегда хотели стать историком? – хмыкнул Верне недоверчиво.

– Мой дар на самом деле скромнен, Кристиан, – улыбнулась Мэб. Они уже были накоротке, хотя истекло не больше часа. – У меня врожденное везение. Все остальное может любая средней руки ведьма.

Мэб в подтверждение своих слов щелкнула каблучками и из пыли перед ними соткалась процессия дам и кавалеров в одежде века позапрошлого.

– Меня привлекает история, Кристиан. У нее можно многому поучиться. У истории магии, тем более. Уверена, я нашла бы немало интересного в Западной Ватае.

– По большей части гнус, антисанитарию и древние кровавые ритуалы, – покачал головой Верне. – Хотя я верю, вы везде найдете что-то подлинно прекрасное.

Мэб открыла рот, чтобы ответить на этот комплимент, отшутиться, но тут раздался окрик: «Осторожнее!» – и нечто тяжелое сбило ее с ног и придавило к земле. Что-то зашипело.

– Слезьте с меня! – Мэб оттолкнула Эншо и, выгнув шею, посмотрела на место, где только что стояла. Там теперь разливалась зловонная лужа. – Проклятье!

Это было одновременно и ругательство, и констатация факта. Проклятье медленно подсыхало на солнце, и уже нелегко было определить, какой оно призвано было причинить вред.

– Боюсь, леди Дерован, оно предназначалось мне, – Эншо поднялся и протянул руку, которую Мэб проигнорировала, предпочитая принять помощь Верне. Эншо сделал вид, что ничего не произошло, и стал отряхивать от пыли форменную мантию. – К моему глубочайшему сожалению, Миро плохо целится.

– И к моему, – огрызнулась Мэб, но быстро взяла себя в руки и заговорила медоточивым тоном. – Кристиан, позвольте вам представить: мой коллега и компаньон, профессор артефакторики Реджинальд Эншо.

Верне окинул Эншо заинтересованным взглядом, медленно, с головы до ног, а это был непростой, долгий путь, учитывая рост артефактора.

– Вы не из Остейских Эншо, часом?

– Некоторым образом, – хмыкнул Эншо. – Мой прадед копал на кладбище близ Осте могилы за полушку. Прошу меня простить. Еще раз извините, профессор Дерован.

Мэб скрипнула зубами и с сожалением изучила платье. Оно было великолепно еще десять минут назад, теперь же брызги проклятья, неспособные причинить вред ей самой, прожигали дыры в дорогом трикотаже.

– Вы в порядке? – встревожился Верне.

– Все хорошо, Кристиан, вам не о чем беспокоиться. Это всего лишь студенческая шалость.

– Ничего себе шалость! – ужаснулся попечитель.

– Заклятье слабенькое. В худшем случае я подхватила бы насморк, – слукавила Мэб, которая совершенно не представляла, чем таким злопамятный сучонок Мирро целил в Эншо, и про себя пообещала – оставить мальчишку без зачета в этом семестре. А вернее сказать, не «ставить юноше баллы из глубокого уважения к его отцу». – Но, боюсь, о моем платье того же не скажешь. Вам придется любоваться на меня в форменной одежде.

Верне окинул ее долгим, пылким взглядом и улыбнулся всеми своими пронзительно-белыми зубами.

– Буду только счастлив, леди Мэб. Убежден, вы украсите собой даже арестантскую робу.

– В таком случае, позвольте вам показать наш музей, – подмигнула Мэб.

Переодеваясь в рабочий костюм и форменную мантию, она прислушивалась. Скрипели половицы, шелестела бумага. Верне внимательно осматривал коллекцию. Когда она вышла, он как раз склонялся над старинным фолиантом, водил пальцами по золоченым строкам давно устаревшего заклинания.

– Осторожнее, – посоветовала Мэб. – Эти книги преподносят сюрпризы. Поэтому они не в библиотеке, а в музейном хранилище.

Верне поспешно отшатнулся и отдернул руку. Обернувшись, он без сомнения обнаружил, что Мэб смеется, однако, не обиделся.

– Надеюсь, вы защитите меня от самых опасных сокровищ?

– От опасных – да, но вот сокровищ... – Мэб окинула хранилище взглядом. – Увы, тут на самом деле ничего интересного.

– Неужели? А там что? – Верне кивнул в сторону узкого прохода, наполовину заставленного ящиками с маркировкой «Экспедиция в Негаддо».

– Картинная галерея, сжатая версия, – хмыкнула Мэб. – Это когда портреты стоят, прислоненные к стене, друг на друге. Где-то там, кстати, есть и наш дорогой вон Грев в возрасте шестнадцати с половиной лет. Его запечатлели с кубком «Лучший оратор», представляете?

– Потрясающе! – поддержал шутливый тон Верне. – Позвольте взглянуть?

Мэб пожала плечами, поколебалась немного, а потом сняла с полки фонарь и принялась штурмовать ящики. Наконец, с помощью Верне сдвинула их в сторону. В коридоре было тесно, пыльно, хотелось одновременно чихать, ругаться на горничную, а еще – прижаться к Верне. Странно он на нее действовал. Обычно Мэб оставалась к мужчинам безразличной. В конце концов, самое сексуальное, что она в них находила – мозг и хороший словарный запас, Верне же по-

ка помалкивал да сверкал своими великолепными зубами. Тут бы впору увлечься его дантистом. И все же, желание прильнуть к этому мужчине становилось все сильнее. Должно быть, во всем был виноват тот разговор с матерью, хотелось сделать что-нибудь ей назло, к примеру, переспать с привлекательным миллиардером.

Впрочем, едва ли это как-то усложнило бы ситуацию. В конце концов, невинность, вопреки уверенности родных, Мэб потеряла довольно давно и мало сожалела об этом. За-муж она не собиралась, а утрата вместе с невинностью магических сил была такой нелепой глупостью, что в нее верили, наверное, только жители глухих деревень и мама.

Мэб тряхнула головой и взялась за очередную раму.

– Кажется, это он... Помогите, пожалуйста.

Руки Верне, горячие, даже жаркие, накрыли ее пальцы. По коже пробежали мурашки. Дыхание опалило щеку.

– Позвольте мне, леди Мэб...

Достаточно было немного повернуть голову и...

– Да, да, давайте, – Мэб отстранилась, а там и вовсе выбралась из узкого коридорчика и вздохнула с облегчением. После тесноты этого пролаза пропыленное хранилище показалось ей почти уютным. В отдалении часы пробили шесть. – А знаете, Кристиан, черт с ним, с портретом. Идемте ужинать! Я пропустила обед сегодня.

– Ужин? – Верне выбрался из коридора, отряхивая костюм от серой пыли.

– Наш знаменитый паб «Под крылом у Морвенны» славится своим цыпленком под вишневым соусом. Его подают в таких маленьких горшочках, с гарниром из печеного картофеля и спаржи, и...

– Уговорили, – улыбнулся Верне, снова оказываясь неприлично близко. – Ведите, богиня.

Мэб закусила губу, не зная, поддаваться ей чарам или признать, что комплимент звучит удивительно пошло. В конце конов, так и не придя к какому-либо выводу, она вновь оперлась на руку Верне.

Чтобы пройти от музейного хранилища до паба, нужно было пересечь небольшую площадь, спуститься с холма – лет сорок назад здесь появилась пологая лестница специально для лентяев, не желающих штурмовать крутой склон, – и немного попетлять по улочкам университетского городка. Уже начало темнеть. Сумерки приходили в Университет раньше, чем это у них обычно принято, и задерживались надолго. В шесть уже загорались фонари, в воздухе появлялись искры магических светильников, а через пару часов полетят и знаменитые огненные мотыльки, которых, признаться, Мэб боялась с детства до позорного визга.

– Как здесь красиво, – севшим голосом сказал Верне. – Даже не знаю, сделают ли мои деньги это место еще прекраснее.

– Не уверена, – хмыкнула Мэб. – Но они могут улучшить рацион студенческой столовой или, скажем, обновить лабо-

раторную посуду.

– Вы, богиня, потрясающе практичны, – посетовал Верне шутливо.

Мэб остановилась.

– Что?

Мэб покачала головой, выпустила руку Верне и быстро сбежала по ступеням. На площадке Эншо, скрестив руки, что-то выговаривал Миро и двум пятикурсникам из Колледжа Арии. В воздухе ощутимо пахло дракой, причем, казалось, в нее с радостью ввяжется и профессор. Нет уж, Университет достаточно опозорился перед Верне сегодня.

– Все в порядке, леди Мэб? – сам Верне нагнал ее и поймал за локоть.

Ответить Мэб не успела: раздался звон бьющегося стекла, и от камней лестницы поднялось голубовато-зеленое,пряно пахнущее облако газа. Мэб поспешно закрыла лицо рукавом, надеясь, что остальные догадаются сделать то же. Мгновение, и порыв ветра унес газ прочь, оставив только покалывание на коже и аромат. Станный, смутно знакомый аромат, вызывающий головокружение.

– Все в порядке? – встревожился Верне.

– Я... да... – Мэб огляделась, пытаясь понять, откуда появилась склянка. Обычная лабораторная склянка, чьи осколки сейчас собирал на лист бумаги Эншо. – Ваших рук дело?

Миро и оба арийца замотали головами. Они выглядели все еще ошарашенными, должно быть, успев глотнуть газа.

– Боюсь, наш с вами ужин придется отложить, – с улыбкой извинилась Мэб, поворачиваясь к Верне. – Мне нужно сопроводить молодых людей в медицинский корпус. И вам тоже не мешает пройти тесты, Кристиан. Неизвестно, что это было. А профессор Эншо...

– Профессор Эншо доложит обо всем ректору, – спокойно отозвался Эншо. – Доброго вечера.

Он легко взбежал по лестнице. Проводив его взглядом, Мэб хмуро посмотрела на студентов.

– Ну что ж, молодые люди, навестим доктора Сэлвина. Он очень любит свою работу. И молитесь, чтобы не выяснилось, что это вы ему ее подкинули.

Верне вызвался сопровождать – и самому показаться университетскому доктору, которому, как сказал, готов доверить свою жизнь. Несмотря на его присутствие, Мэб ощутила себя конвоиром, ведущим арестантов на допрос. Студенты шли медленно, опустив головы, двигались даже как-то заторможено. Вечер был жаркий. Кровь прилиwała к щекам, пальцы дрожали мелко и чесалась тыльная сторона ладони, еще хранящая пряный аромат газа, который... который...

Мэб узнала его, когда они ступили на порог медицинского корпуса. Узнала в тот самый момент, когда последняя крупинка аромата смешалась с запахом дезинфектанта, лекарств, медицинского спирта и исчезла навсегда. «Грёзы спящей красавицы», опасное, давно запрещенное зелье. Зелье, которое точно не следует вдыхать в компании коллеги,

троицы студентов и попечителя.

– Я... – Мэб посмотрела на Верне. Нет, нельзя. Никак нельзя. Это такой скандал, репутация Университета окажется порвана в клочья, даже если он станет молчать. – Мне нужно кое-что сказать ректору. О вас позаботится Нэнси.

Она вылетела на улицу, ощущая, как внутренности скручивает узлом. Это походило на приступ боли, и сперва сложно было опознать подлинную природу этих чувств. А потом груди налились, напряглись и отвердели соски, и между ног стало влажно. Мэб текла, точно глотнула сильнейшего афродизиака. Но «Грёзы» – зелье страшнее любого афродизиака, они могут свести с ума, даже убить. Они создают связь, и чем больше людей одновременно эту дрянь вдохнуло, тем связь сложнее, крепче и опаснее. Боги! Студенты! Кровь прилила к лицу, сразу и не разобрать, от вожделения при мысли о молодых, сильных телах – Мирю, по им самим распускаемым слухам, был отменный любовник – или же от страха и гнева. Мэб рванула на себя дверь, еще раз, еще, и только на третий раз вспомнила, что ее нужно толкать.

В профессорском корпусе было темно и тихо. Ушли на ужин или на позднюю лекцию, или просто погулять этой чудесной, проклятой, душной и влажной ночью. Ноги отказывали, и Мэб продвигалась медленно, привалившись к стене, почти ползком. Утешало только то, что путь назад, к медицинскому корпусу, где ждут такие вожделенные тела, она не осилит. Если сейчас она не получит мужчину, то сдохнет,

Вот что важно.

– Профессор Дерован?

По телу прошла волна дрожи. Всегда ли у Эншо был такой бархатный, глубокий голос, пробирающий до самого нутра? Из горла вырвался хрип.

– Узнали зелье? – вздохнул Эншо.

– И вы, – согласилась с очевидным Мэб. Мысли путались. Запах трав и кожи сводил ее с ума. Два шага, и она оказалась рядом, носом уткнулась ему в грудь, в пуговицу рубашки. Застонала от досады. Слишком много одежды. Слишком много. Рука нащупала ручку двери, повернула, вторая вцепилась в рукав Эншо. Еще шаг, и они оказались в общем кабинете, освещенном сквозь окно желтым светом фонаря. Столы, столы, стулья, небольшой диванчик у стены. Пусто. Хорошо. У Мэб еще хватило ума повернуть ключ в замке, а потом она окончательно утратила разум. И инициативу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой случается непоправимое и заключается договор

Ткань треснула, юбка разошлась по шву, обнажая бедро. Чулки сегодня также оказались испорчены и выброшены, и теперь Мэб была почти обнажена, и это давало странное чувство упоения. Ей сейчас нравилось быть *почти* обнаженной, это дразнило воображение. И как же бесил ее Эншо, одетый по своему обыкновению в костюм, в профессорскую мантию, в ужасный вязаный жилет и галстук. Мэб рванула в сторону этот глупый кусок дешевого шелка, и тут же широкая ладонь схватила оба ее запястья и прижала к деревянной панели. Мэб замерла в предвкушении, прижатая к стене, с заведенными наверх, почти до боли вывернутыми руками. На запястьях завтра будут синяки, и пусть. Сейчас завтра не имеет ровным счетом никакого значения.

Свободной рукой Эншо расстегнул брюки, и Мэб губу закусил в ожидании. Сейчас, ну сейчас же! Не выносившая грубые ласки, с нежной кожей, на которой легко появляются отметины, в эту минуту она хотела только одного: чтобы этот мужчина прекратил, наконец, мучить ее и взял так, как хочет. Можно – грубо. Можно – больно. Она горела, истекала, почти умоляла о насилии. О боли. Через пару часов,

когда сила чар ослабнет, Мэб ужаснется. Ей станет мерзко, возможно, она возненавидит Эншо и себя заодно, но сейчас она могла думать только об одном.

– Возьми меня!

– Только не говори, что ты любительница поболтать в постели, – пробормотал Эншо, что поразительно, способный строить такие длинные, связные, мать твою, саркастичные фразы.

– Сейчас! – взывала Мэб, извиваясь, пытаюсь освободиться, перехватить инициативу. Повалить его на пол, самой оседлать, самой взять то, что нужно.

Эншо чертыхнулся сквозь зубы, подхватил ее ногу под колено и вошел одним резким, грубым движением, не заботясь ни об удобстве, ни о своей любовнице, ни о каких-либо последствиях. Мэб вскрикнула, испытывая при этом грубом, почти жестоком проникновении одновременно и боль, и восторг.

Эншо быстро нашел нужный ритм, а может, во всем было виновато проклятое зелье. Он выпустил руки Мэб, и та вцепилась ими намертво в воротник пиджака, пальцами ощущая тонкий кожаный кант отделки. Сам Эншо подхватил ее под ягодицы, сжимая, тиская, принося дополнительную сладкую боль. Каждым новым, грубым, лишенным чего-либо человеческого выпадом он вжимал ее в стенные панели, а Мэб всхлипывала от наслаждения. Все плыло перед глазами, не осталось ни мыслей, ни иных чувств, кроме темного,

чарами навеянного восторга.

Все кончилось быстро, вспышкой, невиданным прежде оргазмом, от которого на долю секунды, кажется, Мэб оглохла и ослепла, и провалилась в бесконечную черноту. Все прочее, происходящее в реальном мире, было сейчас бесплотно и неважно, даже то, что Эншо кончил в нее. Потом, все потом, все станет важным когда-нибудь еще.

Сознание вернулось урывками, и сразу же на Мэб нахлынула реальность, холодная, темная и страшная.

Она полулежит на полу, опираясь на стену, бесстыдно раскинув ноги, белеющие в полумраке. Как шлюха. Волны наслаждения, словно отголосок мощного землетрясения, все еще заставляют вибрировать ее мышцы. Нервы все еще натянуты рояльными струнами и гудят от легкого касания. Тело удовлетворено, изнежено, телу нужна сейчас хорошая ванна и мягкая постель. В остальном же... если бы можно было назвать это изнасилованием, Мэб бы определенно так и сделала. И сдала Эншо в полицию. Вот только... минуту назад она сама этого отчаянно хотела.

– Сидеть будем в одной камере, – хмыкнула темнота бархатистым голосом Эншо, от которого все еще мурашки бежали по коже.

– Вы мысли читаете? – хмуро поинтересовалась Мэб.

– Полагаю, думаем мы об одном и том же. Встать можете?

– Вы себе льстите, – ядовито фыркнула Мэб, попыталась подняться и обнаружила, что ноги ее не держат, а проклятые

туфли на тонком, модном в столице каблучке, надетые чтобы произвести впечатление на Верне, разъезжаются на паркете. Мэб выругалась, грязно, употребив все ей известные слова.

Не говоря ни слова, Эншо подошел, склонился к ней и легко подхватил на руки. Донеся до диванчика, залитого желтым светом уличного фонаря, испятнанного тенями деревьев, Эншо усадил ее, укрыл голые, также испятнанные тенями ноги своей мантией и сам устало опустился на стул. Мэб сидела прямо, боясь опять утратить контроль над собой и над ситуацией. Минут, должно быть, десять они молчали, совершенно одинаковыми взглядами изучая пол. Интересно, отвлеченно думала Мэб, разглядывая тени, а что это за дерево? Береза? Клен? Она совершенно не помнила, что же посадили под окнами в позапрошлом году.

– Полагаю, нам не стоит говорить ректору правду.

Мэб подняла голову. Эншо не смотрел на нее, куда больше его занимали все те же тени, удлинённые, лежащие на заваленный бумагами стол профессора Лазло.

– Наверное, – неохотно согласилась Мэб.

– Вы последствия понимаете?

Мэб прикусила губу.

– Это не просто афродизиак, – менторским тоном продолжил Эншо, точно разговаривал со своими студентами. – Не «Инкуб на час», превращающий вас в воющее от страсти животное. Это чары связи, леди Дерован.

– 1544 год, – тем же менторским тоном, у нее ведь тоже

есть студенты, отозвалась Мэб, – изобретение Брайана Коули Уорста. Именно поэтому я пришла сюда, а не с Верне осталась. Профессор университета под чарами спит с попечителем. Воображаю завтрашние заголовки.

А не ради них ли это было затеяно? Мэб передернуло.

– Лично я бы предпочел этот вариант, – вздохнул Эншо. – Студенты, часы, дом, теперь еще и постель. Я с вами делю слишком многое.

– Вы мне тоже не нравитесь, – огрызнулась Мэб. Последние крохи вожделения ушли до поры, оставив ее уставшей, разбитой и очень злой. А еще – голодной.

– Идите домой, леди Дерован, – Эншо поднялся. – А я соведу что-нибудь ректору. Умолчать об этой склянке в любом случае не удастся. Теперь в крови Верне и мальчиков ничего не найдут, но... Мы поговорим позже.

Прозвучало это зловеще.

* * *

По дороге к ректору – это два лестничных пролета и недлинный коридор, застеленный помпезным, алым с золотом ковром, – Реджинальд завернул в уборную. Плеснул воды в лицо, а когда это не помогло, сунул голову под кран. Волосы повисли сосульками, вода стекала вниз, за шиворот, охлаждая разгоряченную кожу.

– Ну что, мальчик-грум? – мрачно поинтересовался

Реджинальд у своего растерянного, встрепанного отражения. – Получил желаемое?

Получил. Ну просто-таки исполнил мечту недоброй половины Эншо, Уиппетов, Мэсгревов и прочей шушеры с Эттай-стрит. Трахнул знатную леди. Кстати, ничего особенного. Грязно, жарко, мучительно – до боли – хорошо, но в действительности-то это ничем не отличается от такого же грязного, жаркого, быстрого секса в подворотне с какой-нибудь Милли Смит.

Реджинальд потер лицо.

Нужно думать о хорошем. К примеру, о том, что это была леди Мэб Дерован, а не попечитель или студенты. Чарам «Спящей красавицы» совершенно безразлично, между кем устанавливать связи. Чары, они вообще лишены условностей и предрассудков.

Кое-как вытерев волосы бумажными полотенцами, опасаясь сейчас лишний раз применять магию, Реджинальд бросил последний взгляд в зеркало и поспешил подняться и покончить с этим делом. Вон Грев еще был на своем рабочем месте, он часто засиживался допоздна. Перед ректором высилась внушительная стопка бумаг, еще одна такая скопилась на столике под окном в корзинке с биркой «Исходящие».

– Реджинальд? – заслышав шаги, ректор поднял голову и удивленно взглянул на вошедшего. – Что-то случилось?

Реджинальд откинул со лба все еще влажные волосы.

– Случилось, ректор.

– Садись. Выпьешь?

Реджинальд колебался минуту, а потом кивнул. Определенно, выпить не помешает, чтобы вралось поскладнее. А потом еще надраться на пути домой, потому что предстоит тягостный и неприятный разговор с леди Дерован.

– Итак? – спросил вон Грев, передавая стакан.

Реджинальд сделал пару глотков, а потом четко и по существу пересказал произошедшее на лестнице. Вытащив бумажный кулек, развернул его и продемонстрировал осколки лабораторной склянки. Лишнего говорить не стал. Едва ли кто-то, кроме него и леди Мэб, узнал запах снадобья, описать же его почти невозможно.

– Что это было? – вон Грев тронул осторожно осколки.

– Не знаю, ректор, – не моргнув глазом соврал Реджинальд.

– Надеюсь, это не связано с визитом Верне, – пробормотал ректор, возвращаясь в кресло. – Нам сейчас только скандала не хватает.

– А я надеюсь, что это не связано с Миро и его сегодняшней выходкой, – проворчал в ответ Реджинальд. – Не хотелось бы отчислять сына замминистра.

– Читал, читал эти опусы, – ухмыльнулся ректор, слегка повеселев. – Проверим, пожалуй, чем они там занимаются в своем клубе. И... объявлю-ка я обязательную универсиаду на это лето, а то наша молодежь обладает слишком большим

количеством свободного времени.

– Но не профессура, – вздохнул Реджинальд.

– Бросьте, Реджи, – отмахнулся ректор снисходительно. – Вы все равно никуда не уезжаете.

В действительности этим летом Реджинальд планировал небольшую поездку, хотелось съездить к морю, отдохнуть немного от суеты, от слишком тесного соседства с Мэб Дерован, от забот. Но теперь это, конечно, невозможно в свете того, что соседство становится еще более тесным.

– Вот что мы с вами сделаем, – предложил ректор, возвращаясь к склянке. – Поделим осколки на несколько частей и отдадим на кафедру и в университетскую полицию. Пускай проверяют. Надеюсь, следы зелья остались на стенках.

– Я бы хотел взять немного и провести анализ.

– Все еще увлекаетесь алхимией, Реджи? – хмыкнул ректор.

– Алхимией, ректор, увлекаются те, кто мечтает получить из воздуха золото или, на худой конец, самосовершенствоваться. Я увлекаюсь фармацевтикой. И, согласитесь, я имею право любопытствовать, как потерпевшая сторона. Мне этой склянкой едва по голове не прилетело.

– Берите, – снисходительно разрешил ректор. – Идите и выпитесь. Завтра можете взять выходной, и то же самое передайте леди Мэб. Она, надеюсь, в порядке?

– Не знаю, – так же спокойно соврал Реджинальд. – Она повела студентов к врачу.

– Ну, вы ведь с ней увидите, – улыбнулся ректор.

– Непременно, – кивнул Реджинальд. Вашими, дорогой вон Грев, стараниями я с ней частенько вижусь. – Я передам.

Вон Грев посмотрел на часы и всплеснул руками.

– Уже так поздно? Идите спать, Реджи, на вас лица нет. И завтра никакой работы! Даже не показывайтесь на территории, а то знаю я вас!

– Благодарю, ректор, – Реджинальд допил виски, отобрал несколько крупных осколков, завернул их в носовой платок и поднялся.

Идея напиться по дороге домой все еще казалась заманчивой, но это не значит – верной. Реджинальд шел медленно, как на плаху, путаясь в собственных ногах. Прислушиваясь к себе. «Грёзы спящей красавицы» способны внести в жизнь сумятицу, изрядно ее усложнить. Вождедение, когда его не получается контролировать, вообще все усложняет. Реджинальд ненавидел, когда что-то выходило из-под контроля, когда вокруг царил хаос. Этого добра и так в жизни предостаточно, не хватало еще хаоса в голове.

В животе заурчало, напоминая, что единственное на данный момент неутоленное желание – голод. Реджинальд толкнул калитку, взбежал на крыльцо и сразу же заглянул на кухню. Мэб Дерован, так и не переодевшаяся, крутилась у плиты, помахивая деревянной лопаткой и напевая что-то протяжное. С трудом Реджинальд опознал арию Вероники из «Благородного разбойника», все его внимание привлека-

ла сейчас порванная до талии юбка и мелькающее то и дело молочно-белое бедро женщины.

– Кхм.

Леди Дерован обернулась, поймала его взгляд и вспыхнула. На щеках проступил персикового оттенка румянец.

– Вы! Вы! – лопаточка, точно шпага, была выставлена вперед.

– У вас что-то горит, – меланхолично заметил Реджинальд, отводя взгляд.

Мэб Дерован поспешно отвернулась к плите.

Реджинальд вздохнул, изучил содержимое холодильника – пустые недра, где одиноко стоит на полке баночка пикулей, давно просроченных – и открыл хлебницу. Кусок хлеба с джемом, и хватит на сегодня.

Желудок простестующе заурчал.

– Держите, – леди Мэб выставила на стол пару тарелок со слегка подгоревшей яичницей с гренками и зеленым луком. И пояснила: – Ненавижу, когда на меня пялятся голодным взглядом во время еды.

Взгляд был во всех смыслах голодный. Реджинальд коротко кивнул, снял пиджак, закатал рукава рубашки и сел к столу. Мэб устроилась напротив, накрыв колени скатертью. Стол был маленький, как и все в этом доме, и ноги их соприкасались. Чуть подвинувшись, можно было ощутить коленями колени сотрапезника. Реджинальд резко, едва не уронив стул, поднялся и пересел на подоконник.

– Что вы сказали ректору?

– Что в нас бросили склянкой с неизвестным содержанием. Завтра у нас с вами выходной.

– Потрясающе, – вяло откликнулась Мэб.

– Леди Дерован...

– Не будем ходить вокруг да около, – предложила женщина.

– Мне нужно выпить! – Реджинальд отставил тарелку, поднялся и принялся обшаривать шкафчики.

– Верхний левый, – подсказала Мэб. – Мне плесните.

Реджинальд отыскал бутылку полынного ликера – не совсем то, что нужно, но другого алкоголя в доме не оказалось, – наполнил две рюмки и свою опустошил залпом. Налил еще.

– Леди Дерован...

– Связь установлена, – быстро проговорила Мэб. – А значит, подобные... инциденты будут повторяться. Регулярно.

– Да вам бы в дипломаты, леди Мэб, – фыркнул Реджинальд. – Давайте называть вещи своими именами. Вы, я, секс.

– Мне не нравится это слово, – поморщилась Мэб.

– Совокупление? – предложил Реджинальд язвительно. – Копуляция? Трах? Сношение? Могу принести словарь синонимов, леди Дерован, найдем слово, которое вас устроит.

Женщина выпила ликер, также залпом, скривилась, поставила рюмку мимо стола.

– Прекратите паясничать!

– Я устал, леди Дерован. И, поверьте, эта связь последнее, что мне нужно. Но она существует. Боги, и почему вы не выбрали Верне?

– Сама гадаю! – огрызнулась Мэб. – Давайте прекратим этот скандал и поговорим, как взрослые люди.

– С удовольствием, – Реджинальд привалился к холодильнику. Усталость вдруг навалилась, и начала болеть голова, пока еще слабо, однако в будущем это обещало нешуточную мигрень. – Желание будет появляться, часто и непредсказуемо, пока мы не найдем антидот. И сопротивляться ему, увы, бесполезно.

– Бесполезно? – нахмурилась Мэб.

– Вы же историк! Вспомните Августина Авольенского. Он скончался в муках, разлученный со своей Элоизой. Мартин Эльси, граф Суинток оскотил себя, но и это не помогло. Умер в муках. Про Элоизу напомнить?

– Спасибо, не нужно, – пробормотала мрачная леди Мэб. – Что вы предлагаете? Прыгать к вам в койку при каждом удобном случае? И как долго? Пока мы не сойдем с ума? Пока чары не выдохнутся? Впрочем, не помню, чтобы о таком вообще писали.

– Пока мы не получим антидот.

Леди Мэб оглушительно фыркнула.

– Эншо! Его не существует!

– Пока, – кивнул Реджинальд. – Поверьте, я не хочу попа-

дать к вам в сексуальное рабство на десять лет, леди Дерован, а это отличный стимул найти нужную формулу.

– Вы? Вы ко мне в рабство?! – Мэб оскорбилась не на шутку. В другой раз Реджинальда позабавило бы выражение ее лица. Сейчас он был слишком измотан.

– Это палка о двух концах, леди Дерован. Мы оба – пострадавшие, давайте не будем еще больше усугублять наше положение.

– Хорошо, – вздохнула Мэб. – Но в таком случае, нам нужен договор. Пакт, если хотите.

– Еще один? – Реджинальд кивнул на прикрепленный к холодильнику магнитом лист с правилами совместного пользования кухней. Подобных правил по всему дому было развешено десятка три.

– Базовый. Самый главный.

– Мне записывать? – Реджинальд с издевательской ухмылкой достал блокнот и карандаш.

– Нет, вы лучше запомните, – Мэб нагнулась, подняла рюмку, изучила отколовшийся краешек, налила ликер и выпила. Выбросила рюмку в корзину для мусора. – Первое. Ни одна живая душа не должна знать о произошедшем.

– Согласен, – кивнул Реджинальд.

– Вы не будете хвастаться, болтать и...

– Вы меня за идиота принимаете? – поинтересовался Реджинальд.

Мэб его проигнорировала.

– Второе. Если нам... это нужно, мы это делаем и не обсуждаем.

– Разумно, – вновь кивнул Реджинальд, потирая ноющий висок.

– Никаких поцелуев.

– Цветов и романтических ужинов, – Реджинальд ухмыльнулся. – Леди Мэб, успокойтесь. Вы мне не нравитесь.

– Никаких отъездов без предупреждения.

– Естественно. И с вашей стороны тоже.

Мэб глотнула ликера прямо из бутылки. На губах остались зеленовато-белые капли, которые так и тянуло смахнуть пальцами, а лучше – тронуть языком.

– Что-то еще? – севшим голосом спросил Реджинальд. – У меня голова болит, я бы лучше лег.

– Да, – Мэб вздернула подбородок. – Как только вы найдете противоядие, мы, применив все возможные усилия, уговорим ректора и разъедемся. И больше не будем компаньонами.

– Я с вами полностью согласен, – Реджинальд взлохматил волосы. – Доброй ночи, леди Мэб.

Если женщина и ответила, – что едва ли, – Реджинальд, поднимающийся по лестнице, ее уже не услышал.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Мэб ночью навещает Реджинальда, а утром нарушает один из пунктов пакта

Одежду Мэб с себя содрала, запихнула в корзину для грязного белья, а потом, подумав, вытащила, скомкала и сушила в мусор. Юбку было уже не спасти, да даже если бы и можно было ее зашить... носить это Мэб больше не собиралась. Пока набиралась вода – для этого опять пришлось бить по трубам, – она стояла у большого напольного зеркала в спальне и разглядывала себя, обнаженную. На запястьях появились синяки, еще два – на бедре. И наверняка есть что-то на ягодицах. У нее нежная кожа, и следы появляются очень быстро, достаточно малейшего прикосновения. Обычно это не беспокоило Мэб, одевавшуюся достаточно консервативно. Все ее синяки, полученные, к примеру, при неосторожном ударе об угол ученического стола, прятались под платьем. И эти можно спрятать, надеть блузу с широкими манжетами или, скажем, браслет. Но вот только у нынешних следов есть особый смысл.

Вспомнив произошедшее в профессорской, Мэб содрогнулась от смеси отвращения и вожделения. Наведенная ча-

рами страсть оставила тело удовлетворенным, а вот саму Мэб – оплеванной. Обманутой. Сам факт, что любой мужчина мог бы удовлетворить эту страсть, казался унижительным. Мэб привыкла думать о себе как о человеке разумном, зрелом, лишенном предрассудков, а значит – ответственным перед собой. Все свои поступки она взвешивала собственной мерой. И ей не стыдно было до сегодняшнего вечера смотреть в зеркало. А теперь – это! Тело, собственное тело предало ее, с таким пылом отдаваясь Эншо. Эншо! Человеку, который и без того слишком много места занимал в ее жизни.

Мэб порывисто бросилась в ванную, забралась в воду и легла на дно, пуская пузыри. Однако, воздух быстро кончился, и пришлось всплывать. Эх, если бы можно было остаться там, под водой, и не встречаться с реальностью.

В реальности было странное происшествие в Университете: кто и зачем бросил эту склянку? Кому предназначалась она? Какую цель преследовали? Слишком дорого и опасно для простой глупой студенческой шутки прибегать к запрещенным зельям.

В реальности был белозубый смуглый красавец Верне, к которому Мэб тянуло весь день. Ему бы она отдалась с радостью и безо всякого колдовства. И хороши бы были заголовки на следующий день! «Университет опаивает и соблазняет своих попечителей», «Великосветская дама полусвета!», «Шлюха-баронесса спит с колониальным миллионером ради грантов» и тому подобная дрянь. Подобные скан-

дали пресса чуяла, как акулы кровь, и совсем недавно они набросились на бедную леди Мосс, которая осмелилась взять себе в любовники секретаря покойного мужа, тоже, к слову, аристократа из обедневшего рода. Пресса их не щадила, рождая вот таких вот «великосветских дам полусвета». Видеть свою фамилию в подобном контексте не хотелось.

А еще в реальности было вожеление. Оно поднималось откуда-то из глубины, скручивалось узлом в животе, спускалось ниже. Мэб сжала ноги, но от этого стало только хуже. Не желая сдаваться чарам, Мэб принялась перечислять правителей Фаросской династии, их длинные, сложные имена, но это не помогло. Обычно все эти Гердмерссоны, Бриарарадоны и Эльфридмингены помогали отвлечься от боли, голода и раздражения, но оказались бессильны против наколованной похоти. Мэб прикрыла глаза, вспоминая страницы справочника. Когда человек борется с похотью, наведенной «Грёзами», она только усиливается и постепенно вытесняет все прочие желания и устремления. Уже упомянутая сегодня Элоиза, разлученная со своим любовником, запертая братьями в доме, дни свои окончила печально: сбежав, она добралась до доков, где и стала добычей пьяных матросов. Но даже они не смогли унять ее похоти. И тогда бедняжка утопилась. Если выбирать между матросами и Эншо... Что ж, Эншо не так уж и плох. Нечего и говорить о выборе между Эншо и морской стихией. Мэб слишком любила жизнь, чтобы от нее отказываться.

Но она еще сражалась, пыталась справиться своими силами. В конце концов, женщина ее положения, да еще и университетский профессор не всегда может найти себе достойного любовника и при этом не вызвать скандала. Это с годами учит изобретательности. Но те ласки, которых обычно хватало Мэб, чтобы вернуть себе пошатнувшееся душевное равновесие, сбросить напряжение, сегодня только распяляли еще больше. В ушах звучал голос Эншо: «Леди Дерован», его раскатистое плебейское «эр», и желание становилось совсем невыносимым. Мэб вновь легла на дно, вынырнула, выбралась, набросив халат на мокрое тело, и заметалась по комнате, но каждое движение распяляло еще больше. Чертов Уорст! Чтоб ему в могиле не лежалось!

Мэб рванула дверь, выскочила в коридор, преодолела в два шага расстояние между спальнями – оно было совсем невелико – и замерла, положив руку на ручку соседней двери. Что она делает? Поддается чарам. Может быть, если найти в себе силы бороться... *Прекрасная Элоиза плывет по заливу, и в волосах ее лилии цвет.* Мэб содрогнулась.

Дверь открылась, рука ее соскользнула с ручки.

– Леди Дерован? – плебейское раскатистое «эр» ударило по нервам, дыхание перехватило.

Мэб медленно, дюйм за дюймом изучила Эншо, и тут было на что посмотреть. На нем были одни только свободные пижамные брюки, неспособные, однако, скрыть желание. И у него был великолепный торс – хороший, мускули-

стый торс мужчины, который занимается спортом ради удовольствия, ради здоровья или по необходимости, а не для того, чтобы привлечь женское внимание рельефной мускулатурой. Мэб и не подозревала, что Эншо так хорошо сложен, так привлекателен. На коже его, на плечах, на груди с редкими золотистыми волосками блестели капли воды, которую хотелось слизнуть. Это чужое, наведенное зельем желание приводило в бешенство.

Мэб облизнула губы.

– Я... Второй пункт.

Мгновение-другое Эншо смотрел на нее затуманенным страстью взглядом с легким оттенком удивления. Потом кивнул и посторонился, пропуская Мэб в комнату. Халат она уронила на пороге.

* * *

Мэб Дерован отличал удивительный консерватизм в одежде, и даже заподозрить нельзя было, что под длинными прямыми юбками и строгими профессорскими блузами скрывается такое сокровище. Она была статной, с идеальными пропорциями античной статуи, словно Господь вымерял отдельно каждое сочленение, подобрав с великим тщанием руки, ноги, изгиб бедра, длину каждого пальца. У нее была небольшая, упругая грудь, налитая, вызывающая о прикосновении. Тонкая талия. Покатые бедра, мягкий живот. Она

не была худой или полной – идеальной, ни капли лишнего жира не было под ее гладкой кожей, и ни одна кость не выпирала, отталкивая взгляд. Мэб Дерован была совершенна, и это испугало бы Реджинальда, если бы желание не лишило его способности связно мыслить. Сейчас он был сосредоточен на одном: взять ее. Любым способом, в любой позе, лишь бы оказаться в ней, вонзиться в ее лоно, ощутить исходящий от ее кожи запах – духов, мыла, самой кожи. Ощутить тепло. Ощутить... вибрации, дрожь, ответное желание.

Людей, которых связали чары «Грёез», неумолимо и безжалостно тянет друг к другу. Настолько неумолимо, что между ними не остается места для разума и чувств. Врагов это заклинание делает еще большими врагами, но и друзей не щадит. Даже самые нежные любовники оказываются чарами уничтожены. Потому что, вождедея, беря, получая ядовитое наслаждение, ты им – как любым ядом – отравляешься. Потому что в конце концов не остается ничего, кроме страсти. Грюнар и Юфения, для которых когда-то было создано это зелье, убили друг друга. Любовь, с которой все начиналось, перегорев в огне наколдованной страсти, превратилась в ненависть.

Реджинальд сглотнул. Мэб стояла перед ним, дрожа от вождедения, а может, и от холода – окно было открыто, из сада тянуло сырым сквозняком. На коже ее проступили мурашки. Реджинальд протянул руку, коснулся груди, двумя пальцами сжал твердый сосок. Лицо Мэб исказилось, она облизнула

губы, но потом оттолкнула его руку.

– Нет. Просто... секс.

Слово далось ей с трудом. И то верно, леди не произносят его. А еще леди не спят с чернью, во всяком случае – добровольно.

– Хорошо, – сказал Реджинальд, взял женщину за руку и подвел к постели. Она все еще была заправлена, на подушке лежала недочитанная утроем книга.

Реджинальд смахнул ее на пол, уронил Мэб, вдавил ее в перину. Женщина широко развела ноги и беспокойно заерзала, бормоча что-то себе под нос. Перина ей пришлась не по нраву. Ну что ж, у всех есть маленькие слабости.

– Не медли! – зло процедила она, когда Реджинальд отстранился.

Что ж, он и не стал. Избавившись от брюк, он накрыл ее своим телом, вошел, медленно, закусив губу, наслаждаясь каждым мгновением, каждым дюймом ее влажного лона. Мэб дышала прерывисто, комкая стеганое покрывало, выгибаясь ему навстречу. Реджинальд замер, опираясь на руки, тяжело дыша.

– Ну же!

Медленное, мучительно-неторопливое движение назад, и снова вперед, все наращивая и наращивая темп, погружаясь в сладкое, колдовское безумие. Эксперимент.

Дано: быстрый грубый секс в профессорской. Следующая вспышка желания через три с половиной часа.

Задача: определить, сколько пройдет времени после медленного, томительно-сладкого соития.

Мэб выпустила покрывало, ногтями впилась в его плечи и подалась вперед, подмахивая бедрами, сбивая ритм, прося большего. Влажные темные волосы разметались по подушкам. Из груди ее вырвался сиплый стон, и Реджинальд уже не смог сдержать своего. Позабыв обо всем, он обхватил женщину руками, вжал ее в постель и вонзался, вонзался в нее, пока не кончил с громким удовлетворенным рыком. И замер на несколько мгновений, восстанавливая дыхание, собирая себя по кусочкам и борясь с тошнотой.

Это был великолепный оргазм. Только вот очень гадкий, отдающий плесенью.

– Слезь с меня! – Мэб отпихнула его и села, обхватила себя за плечи, мелко дрожа. От холода? От отвращения? От гнева?

Реджинальд лег на спину, закинув руку за голову, разглядывая темный потолок с единственным пятном света – от лампы на комод. А потом ему еще кое-что пришло в голову.

– погоди минуту, – Реджинальд перешел на ты, сейчас вежливость показалась удивительно неуместной.

Он набросил халат, поднял тот, что Мэб сбросила на пороге, и отдал ей, а потом открыл дверь в небольшую гардеробную. Одежды у него было немного, и потому комнатка по большей части использовалась, как склад. Открыв аптеч-

ный шкаф, Реджинальд перебрал пузырьки в поисках нужного.

– Вот, держи.

Мэб посмотрела на пузырек с подозрением.

– Что это?

– Противозачаточное. Хорошее, надежное и без побочных эффектов. Три капли на язык один раз в день.

Мэб повертела пузырек в руках, разглядывая сквозь янтарное стекло содержимое.

– И зачем оно тебе?

– Для студенток держу.

Прозвучало это как сарказм, однако было чистейшей правдой.

– Ага, – сказала Мэб, сжимая пузырек. – Три капли каждый день. Спасибо.

Закутавшись в халат, она вышла. Хлопнула сначала его дверь, затем – вторая, чуть дальше по коридору, и дом погрузился в тишину. Часы внизу отзвонили полночь, и все снова затихло на минуту, потом прозвучал университетский колокол.

– Спешат... – пробормотал Реджинальд.

Он посмотрел на постель, смятое покрывало, подушку, хранящую отпечаток головы Мэб, и подавил желание сорвать все это и вышвырнуть в окно. Окно он раскрыл настежь, но для того, чтобы высунуться по пояс, вдыхая воздух, пахнувший пионом и резедой. Это немного остудило го-

лову, но облегчения не принесло. Оставив окно открытым, Реджинальд вернулся в постель, упал ничком поверх покрывала и закрыл глаза.

* * *

Спала Мэб плохо. Кто-то гонялся за ней там, во снах, в лабиринтах, а она блуждала, не в силах перейти на бег. Пробудившись, она еще какое-то время находилась во власти сна, пыталась прийти в себя, сбросить тягостное наваждение.

Когда Мэб наконец повернула голову к столику возле кровати, оказалось, что часы показывают семь. Если бы не навязанный ректором выходной, Мэб встала бы не спеша, оделась, спокойно позавтракала и в кои-то веки не бегом, а прогулочным шагом отправилась на лекции. Если бы не выходной, не то, что произошло ночью, не чары, не целая тысяча этих «если».

Одевалась Мэб тщательно, придирчиво осматривая свои платья. В конце концов остановилась на неброском, темно-синем весеннем, с приятной отделкой голубыми лентами, с широким поясом, который сзади завязывался на бант. Элегантна. Неприступна. Мэб посмотрела на свое отражение и качнула головой, досадливо морщась. Все это сработало бы, если бы речь шла о домогательствах. Но в дело замешана магия, а значит, будь она одета в броню или в рубище, все равно все закончится сексом.

Эншо еще спал, и это заставило Мэб облегченно выдохнуть. Совершенно не хотелось сейчас встречаться с ним, разговаривать, да просто смотреть на него. Мэб спустилась вниз, открыла входную дверь, впуская запах цветов и солнечные лучи. Прекрасная погода для выходного дня. Мэб отправилась бы на прогулку, если бы обстоятельства сложились по-другому.

Полив цветы, растущие вдоль дорожки, и великолепные розовые розы у ограды, Мэб отряхнула платье от капель воды и отправилась на кухню. Приготовление пищи было последним, на что она еще возлагала надежды. Готовка всегда успокаивала и помогала привести в порядок мысли. Конечно, в имении Мэб не пускали на кухню. Там, чтобы налить себе стакан воды из графина со столика, звали лакея. Но, оказавшись в Университете, Мэб быстро привыкла сама о себе заботиться. Здесь персональных слуг не было, а горничная, застав в комнате беспорядок, могла и пожаловаться на неряху. Мэб быстро приучилась к самостоятельности и скромности, и это ей нравилось. Такая жизнь разительна отличалась от той, что приходилось вести на каникулах, и очень скоро она начала тяготиться постоянным присутствием прислуги, чопорными лакеями в перчатках и завтраками из двадцати шести блюд, как заведено еще прадедом.

В конце концов, на завтрак следует есть блинчики. Такая себе народная мудрость от тетушки Нелл, университетской поварихи, мир ее праху.

Мэб уже допекала последние блины, ловко орудуя парой чугунных сковородок, когда на лестнице послышались шаги. Эншо вышел на улицу, обнаружил, должно быть, что все цветы политы, и заглянул в кухню.

– Доброе утро, леди Дерован.

– Доброе утро, – сухо отозвалась Мэб. – Джем или паштет?

Эншо вскинул брови.

– Простите?

– Вы предпочитаете к блинчикам джем или паштет?

Эншо посмотрел на тарелку в центре стола.

– Какой это пункт нашего пакта? Четвертый, кажется?

– Там про романтические ужины, – Мэб сняла с зачарованной плитки кофейник. – Да садитесь уже, не бесите меня с утра!

Эншо сел и отдал предпочтение паштету. Мэб, обычно предпочитающая плотный несладкий завтрак, в пику ему подвинула к себе баночку с джемом.

– Я много думала... – аккуратно свернув блинчик, она изучила его, словно искала изъяны. – Кому предназначалась эта склянка? Насчитала по меньшей мере четыре варианта...

– М-м-м? – Эншо поднял взгляд от тарелки.

– Я, вы, Верне или Миро.

– А почему не те двое из Колледжа Арии? – поинтересовался с усмешкой Эншо.

– Смит и Дьюкен? О, не смешите меня, – отмахнулась

Мэб. – Они и мухи не обидят, зачем кидаться в них опасными зельями? А в Миро я, признаться, и сама бы чем-нибудь запустила.

– Да, – кивнул Эншо, – этого у юного Миро не отнять. Есть еще пятый вариант, но маловероятный: все мы оказались не в том месте и не в то время.

– Студенческая шалость тоже отпадает, – вздохнула Мэб. – Где бы они раздобыли «Грёзы»? Самим сварить им не по силам.

– Самый вероятный вариант вы уже называли, леди Мэб, – Эншо поморщился. – Скандал. Как бы ни повернулось вчера дело, неприятности были бы колоссальные.

– Да, ореол героини, защищающей репутацию Университета, здорово меня украшает, – согласилась Мэб. – Вы всерьез говорили насчет антидота?

– Обещать ничего не могу, – покачал головой Эншо. – Но я постараюсь. И поищу артефакты, ослабляющие воздействие этих чар. Мне бы пригодилась ваша помощь. Можете составить подборку известных случаев применения «Грёз»?

Мэб поморщилась. Так себе чтение на ночь. И как составить эту подборку, не привлекая к себе внимания? Подобный интерес может показаться странным, даже неуместным для университетского профессора, никак не связанного ни с любовными чарами, ни с проклятиями.

– Я попробую, – сказала она наконец. – И разузнаю, пожалуй, побольше о Верне и Миро.

– Хорошего свидания, – хмыкнул Эншо. – Возвращайтесь до того, как карета превратится в тыкву.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой в Университете неприятности

Идея пришла в голову Мэб где-то на отрезке пути между каштановой рощей и капеллой, под сенью деревьев. Она замерла, опираясь на высокую каменную ограду, увитую плющом и голубой ипомеей, шурясь на солнце сквозь ветви. А ведь и верно, есть выход. Музейное хранилище: там много лежит всякого добра – и зла тоже. Все эти книги и амулеты до сих пор не описаны, не изучены, и как знать, нет ли в музейном хранилище любовных амулетов, которым среди студентов, в общем-то, делать нечего. Отличный повод наведаться в библиотеку и подобрать материал, так сказать, на будущее. Чтобы обезопасить детей. Мэб кивнула своим мыслям и пошла дальше, все прибавляя шаг.

Неладное она почувствовала совсем скоро. Сперва – запах гари, а потом возмущение магического поля, совсем слабое, отдающееся едва ощутимой болью, покалыванием в висках. Мэб огляделась и обнаружила, что над деревьями, над полукруглым стеклянным куполом Библиотеки, поднимается столп дыма. Подобрав юбку, Мэб сошла с дороги на не приметную тропинку; целая сеть таких тропок разрезала лужайку, студенты привычно игнорировали проложенные для них дорожки. Спустя пару минут стала слышна сирена, потом –

крики и колокол пожарной машины. Запах гари стал еще сильнее, и в лицо Мэб полетел черный пепел.

– Что случилось?

Впрочем, ответа и не требовалось. Горело одно из общежитий. Пламя охватило старое кирпичное здание сверху донизу, вырывалось из окон, давно прогрызло себе путь через крышу. Тушить было уже нечего.

Рядом кто-то тихо, тоненько плакал, и это звучало до того горько, что прорывалось через треск, рев, звон, грохот и возбужденные крики. Мэб обернулась.

– Леди Эвари?

Юная графиня Мелина Эвари, сейчас меньше всего похожая на знатную девицу, сидела на корточках, пачкая в саже подол светлого платья, обхватив себя руками за плечи, и раскачивалась из стороны в сторону.

– Мелина! Лина! – Мэб присела рядом, касаясь девушки. – Леди Мелина!

Когда Мэб попыталась взять ее за подбородок, девушка вырвалась, потеряла равновесие и шлепнулась назад, поднимая пыль и пепел. Кто-то рассмеялся совсем рядом. Мэб резко обернулась и встретила взглядом с довольной, покрасневшей от удовольствия и возбуждения рожей Миро. Ее передернуло от одной только мысли, что вчера, быть может... Мэб сглотнула и взяла себя в руки.

– Приведите врача, Миро, – приказала она. – Дюванше, помогите мне поднять леди Эвари. Кто-нибудь, принесите

воды.

Мэб легко влилась в общую суматоху. Найти врача. Принести воды. Выслушать рыдающего студента. Оттащить любопытствующих первокурсников подальше от опасно накренившегося, вот-вот готового рухнуть здания. Это продолжалось около часа, и наконец улица опустела. Остались только пожарные, занятые работой, несколько охранников Университета да подоспевшие рука об руку ректор и Верне.

При взгляде на них у Мэб горели щеки. А еще она позабыла спросить у Эншо, что он точно рассказал ректору о произошедшем вчера.

Впрочем, вон Грев избавил ее от необходимости что-либо выдумывать.

– Леди Мэб! Как вы после вчерашнего? Никаких последствий?

– Нет-нет, ректор, я в полном порядке, – Мэб даже смогла улыбнуться. – Это, скорее всего, чья-то глупая шутка.

– Вот и доктор Льюис говорит то же самое, – ректор с мрачным видом покачал головой. – Даже если в пузырьке был какой-то безвредный морок, вас могло поцарапать осколками! Кристиан, умоляю, не думайте, что у нас такое происходит часто! Это случай вопиющий, выходящий из ряда да вон!

– Я вам верю, – улыбнулся Верне, оглядывая при этом Мэб.

Она особенно остро ощутила, что платье у нее перепачка-

но в земле и саже, что на щеке пятно, что волосы в беспорядке. И еще, отчего-то, Мэб порадовалась тому, что утром выбрала скромное платье. Взгляд Верне все норовил забраться под тонкую шерсть, по коже бежали мурашки, и тошнота подкатывала к горлу. Мэб не нравился этот слишком открытый, обещающий взгляд. Он остро напоминал о «Грёзах» и о том, что произошло вчера. Два раза.

Мэб потеряла щеки, надеясь, что румянец спишут на возбуждение от произошедшего пожара.

– Колледж Арии? – ректор посмотрел мрачно на остов сгоревшего общежития. – Сорок восемь человек. Ну и куда мне их переселять?

– Сорок семь, ректор, – печально поправил доктор Льюис.

От него пахло гарью, кровью и заживляющими растворами. Если Железный Льюис, полагающийся на собственный магический дар, прибег к так нелюбимым им зельям, значит, дело плохо. Мэб обернулась. На траве лежали накрытые грязной простыней носилки, проступающие очертания человеческого тела вызывали тошноту. Студент. Мальчик. Умер.

Мэб сглотнула.

– Кто? – сухо и деловито спросил ректор, стараясь не смотреть на тело на траве.

– Дьюкен.

– Я... Магда сообщит его родителям, – вон Грев развернулся на каблуках. – Мне нужно разместить студентов. Сколько человек вы оставляете в больнице?

– Девятнадцать, ректор, – невозмутимо ответил Льюис. – Из них семеро в тяжелом состоянии, но угрозы для жизни нет. Остальных выпишу в течение нескольких дней.

– Значит, двадцать восемь мест. Извините, Кристиан, я вынужден вас оставить. Может быть, леди Мэб?

Мэб встретила взглядом с Верне. Какая-то ее часть жаждала остаться, но прежде, чем она сумела это произнести, услышала собственный голос:

– Извините, ректор, Кристиан, у меня сегодня есть дела...

– Леди Дерован? – в голосе вон Грева почудились строгие, почти угрожающие нотки.

– Нет-нет, – замахал руками Верне. – Я бы не хотел отрывать леди Дерован от ее работы. Уверяю вас, ректор, я найду себе занятие. Давно хотел изучить вашу великолепную библиотеку. А Доктор Ольнус обещал показать мне вблизи витражи собора. Так что, не утруждайте себя, прошу.

Вон Грев бросил последний недовольный взгляд на Мэб и ушел, печатая по-военному шаг. Мэб со свистом выдохнула. Меньше всего ей сейчас хотелось ссориться с ректором.

– Леди Мэб, если ваша работа будет закончена часам к четырем, пообедаете со мной? – улыбнулся Верне, улыбка эта вышла искушающей. – Мне все так нахваливали «Крыло Морвенны».

– Да, Кристиан, конечно. Зайдите за мной, я буду в музее, – свою улыбку Мэб выдавила через силу.

Мэб поискала взглядом Мелину Эвери, но девушку уже

увели сокурсники. Хотелось думать, что не Миро – что-то отталкивающее виделось в этом пареньке, была в нем плохо скрытая жестокость. И Мэб искренне надеялась, что в следах девушки не он повинен. Лучше бы оказалось, что леди Мелина так расчувствовалась из-за трагедии в общежитии арийцев.

Дьюкен.

Мэб вновь посмотрела на тело на траве. Санитары приблизились, подняли носилки и понесли в сторону медицинского корпуса. Толпа, как оказалось, не разошлась, а просто сместилась подальше, за периметр, обведенный ярко-желтой заградительной лентой. Студенты старались одновременно удовлетворить свое любопытство и не рассердить охрану Университета, которой позволено было действовать, не оглядываясь на титулы, состояние и положение родителей. Заметила Мэб в толпе и нескольких преподавателей. Не похоже, чтобы они пришли забрать своих учеников. Скорее всего, их также привело любопытство.

Снова затошнило. Мэб поняла, что нет сил идти через все аллеи, запруженные зеваками. Она спиной повернулась к толпе и решительно зашагала через лужайку. Обогнула библиотеку, взобралась на пригорок, подобрав юбку, перелезла через низкий заборчик, разодрав чулки о колючий кустарник и оцарапав ногу. Огляделась. Свидетелей этой выходки и ее позора не было. Что ж, чулки в любом случае не жалко, а платье придется отдавать в чистку.

Уже второй день подряд одежда Мэб приходила в негодность, но если вчера это разозлило и смутило, то сегодня была только легкая досада. Мэб закрыла на задвижку главные двери музея – едва ли кому-то сегодня взбредет в голову побродить по бедной университетской экспозиции, глаза на портреты профессуры и золотые кубки и медали в шкафчиках. В запаснике она хранила рабочую одежду, такую, что не жалко при случае выкинуть, немаркую и практичную. Мэб переделась – брючки из бежевого вельвета с протертыми коленями, в них она исползала зал галереи, выбирая из щелей между досками пола раскатившиеся энергобусины; свободная блуза с широкими рукавами, а поверх нее – рабочая жилетка со множеством кармашков. В одном сыскалось несколько леденцов – абартонская смесь, давным-давно купленная в городе, намертво слипшаяся со своими обертками. Их Мэб выкинула в корзину, села на вертящееся кресло и запустила пальцы в волосы.

Пожар в общежитии? Событие из ряда вон, как сказал ректор. В Абартоне тщательно следят за безопасностью своих учеников. Последний пожар здесь произошел четырнадцать лет назад, когда сгорела лодочная станция. Мэб тогда только начала учиться в Университете, и хорошо помнила страх и шок, охвативший ее. Это было Событие с большой буквы, оно взбудоражило всех. Тогда она была в толпе зевак. Но в тот раз обошлось без жертв.

Дьюкен был вчера с ними, он тоже вдохнул «Грёзы». Свя-

зано ли это с его гибелью?

Мэб потрянула головой. Сейчас не время обо всем этом думать. Позже она сможет задать доктору Льюису вопрос, облечь его в соответствующую форму, чтобы не выглядеть праздно — и некрасиво — любопытной. А пока... Мэб крутанулась на стуле, оглядывая комнату, и взгляд ее упал на шкапу, преподнесенную кухней Анемоной. Хорошо бы в музее хранилище сыскалось хоть что-то, способное оправдать интерес к любовным чарам. И хорошо бы, это сыскалось прямо сейчас и в рабочем состоянии, тогда у Мэб появился бы повод немедленно бежать в библиотеку и собирать информацию. Как назло, о таких вещах не пишут в университетском дайджесте, в энциклопедии им уделяют от силы пару строчек, ведь текст может попасться на глаза невинным юношам и девушкам. Мэб фыркнула, подвинула к себе шкапу и, как и вчера, залезла в нее по пояс.

Спустя полчаса стало понятно, что тут ей удача не улыбнется. Было множество амулетов непонятного назначения, но исходящая от них сила была бесконечно далека от любовной магии. Два или три, насколько Мэб могла судить, были защитными, а остальные при прикосновении стреляли крошечными, довольно болезненными молниями: защита лежала уже на них. В бумагах, сопровождающих все это, невозможно было разобраться с наскока. Это были тетради и разрозненные листы, исписанные мелким, неряшливым почерком со множеством исправлений. Некоторые были сделаны

магическим способом: часть текста затерта чарами и исписана поверх. Чары с годами ослабли, и буквы смешались. Казалось, в отдельных местах автор заметок просто брал ручку и чертил бессмысленные круги и закорючки. Несколько страниц были явно зашифрованы, их Мэб отложила. В сундуке не нашлось ничего, способного пролить свет на владельца, а также ничего полезного. Захлопнув крышку, Мэб откинулась на спинку и потерла виски. Ничего полезного.

* * *

Один осколок Реджинальд поместил в оксиоловую среду под стеклянный колпак. Газ слегка поголубел, говоря о том, что на стенках склянки осталось достаточно следов зелья, чтобы их выделить. Выделить, да, но как их идентифицировать и разобрать на составляющие? Реджинальд потер переносицу. В такие минуты он сожалел, что пошел на поводу у ректора и два года назад сделал операцию по восстановлению зрения. Очень не хватало очков, их можно было снять, повертеть в руках, протереть стекла. Это помогало тянуть время в разговоре и странным образом стимулировало мыслительную деятельность.

Можно воспользоваться реактивами, которыми исследуют кровь на содержание ядов и иных препаратов. Сами по себе реактивы, конечно, ничего не дадут, а иначе состав зелья определили бы уже к сегодняшнему утру, но если их немного

улучшить, усилить, добавить пару собственных экспериментальных разработок... Реджинальд открыл шкафчик с зельями и внимательно изучил содержимое. Все, что было приобретено во время последней поездки в Кингемор, уже давно использовано. Но едва ли доктор Льюис откажет в такой малости, как пара флаконов реактивов, тем более зная о хобби старого друга.

Реджинальд быстро переоделся, на всякий случай прихватил сдерживающий перстень, оставшийся со студенческих времен – многие взрослые маги все еще носили его, как своего рода талисман или воспоминание о веселых беспечных деньках – на случай, если Льюис исхитрится что-нибудь разглядеть.

Как оказалось, беспокоился он зря: доктору, как и всему медицинскому корпусу, было не до него. Льюис буркнул что-то неразборчивое на приветливое: «День добрый, Чарли», – махнул рукой и скрылся за дверью операционного отделения.

– Что случилось?

– Пожар, – к Реджинальду подкатилась круглая, похожая на сдобную булочку старшая медсестра, Ненси Дарлинг. На ее очаровательном, источающем доброту и сочувствие лице, сегодня отражалась боль. – Колледж Арии. Девятнадцать бедняжек, некоторые очень плохи.

Медсестра поднесла к глазам край фартука, но при первом же громком звуке из приемной преобразилась, подобра-

лась и выкатилась за дверь – унимать ожидающих. Или, как предположил Реджинальд, выглядывая в приемную, это были зеваки. Все они выглядели не больными или подавленными, а, скорее, возбужденными. Несколько студентов Королевского Колледжа так и вовсе скалились в омерзительных улыбках.

– Слышали, проф? – Миро вынырнул из толпы и с довольной ухмылкой кивнул куда-то в сторону. – Жирдяй Дьюкен – пф-ф!

Юный мерзавец развел руки, растопырил пальцы и изобразил что-то одновременно комичное и отвратительное.

– Горел, говорят, как спичка, столько в нем было жира.

Кто-то шикнул на него, кто-то возмутился, но вяло. Это была для Миро и его приспешников – не называть же их друзьями! – обычная выходка. Жадные, избалованные дети, привыкшие, что все им подается на золотом блюде и уже разжеванным, остается только проглотить.

Реджинальд, скрестив руки, прислонился к стене, глядя на Миро сверху вниз. Он редко пользовался преимуществами своего роста, потому что в конечном итоге это было жалко. То было физическое преимущество, полученное только по воле случая. Куда чаще Реджинальд использовал свой ум, его личное достоинство и личное достижение. Но Миро – это желание поднималось из самых темных глубин – хотелось унижить любым доступным способом.

– Миро, какой у вас уровень?

– Plus haut niveau, проф, – ухмыльнулся юнец, показывая большой палец.

– Магический, я имел в виду. Кажется, девять? Дьюкен был вас лучше в два раза, ему уже сейчас предлагали стажировку в нескольких крупных компаниях. Вы ничтожество в сравнении с ним.

– Хэй! – на щеках Миро, которого слишком легко было подловить, вспыхнул румянец. – Вам вообще можно говорить такое о студентах?

– Вы не мой студент, Миро, – покачал головой Реджинальд. – Я не вижу вас на своих занятиях. Ненси, передайте доктору Льюису, что я зайду вечером. У меня к нему дело.

Медицинский корпус Реджинальд покинул с облегчением. Казалось, на улице дышится легче. Здесь было свежо, несмотря на то, что ветер приносил с северо-востока запах гари.

Университет затих, получив внеплановый выходной. Для них, как уже убедился Реджинальд, не может быть приятно-го повода. По центральной аллее расхаживали охранники, вежливо раскланиваясь с преподавателями и строго зыря на студентов. Последних, как магнитом, тянуло к огороженному желтой лентой остову общежития. Реджинальд постоял немного, разглядывая черные стены, дюжину уцелевших стропил, торчащих, как ребра гигантского доисторического животного. Земля вокруг была усыпана стеклом, что неприятно напоминало о вчерашнем.

Дьюкен был с ними вчера на лестнице. Совпадение?

– Макс! – Реджинальд махнул рукой, заведя среди медных касок пожарных выкрашенную алой – начальника пожарного отделения Абартон.

– Реджи!

Оба они были из Осте – типичные представители графства, рослые, со светлыми, легко выгорающими волосами. Макс Дэкли, разве что, отпустил шикарные усы, и в отличие от пшеничной шевелюры они отливали медной рыжиной. Реджинальд подозревал хну, а также – некую даму из приуниверситетского городка, которой такие усы по нраву.

– Что здесь произошло?

Макс поднырнул под лентой, отошел на несколько шагов, словно выражая уважение, и закурил пахучую дешевую папиросу.

– Не знаю, Реджи, пока не знаю. Пожар вспыхнул около шести, и за полтора часа тут все выгорело дотла. Может быть, кто-то оставил непотушенную сигарету, ты же знаешь, на этих мальчишек не действуют запреты. Может быть, проводка была повреждена.

– Ей два года, Макс, – покачал головой Реджинальд.

– Ну, значит, кто-то из студентов использует по старой памяти масляную лампу. Я, к примеру, так и не привык.

– А если... – не будь Макс его другом, Реджинальд не рискнул бы задать этот вопрос. – А если... поджог?

Макс резко затушил сигарету о ладонь, убедился, что ни

искры не осталось, и сунул окурок в карман. Дернул себя за вихры, торчащие из-под форменной каски.

– Нет, Реджи, я не хочу строить предположения. Только не сейчас.

– Спасибо и на том, – кивнул Реджинальд.

– Боишься, это Миро с друзьями, и ты следующий? – Дэк-ли хмыкнул понимающе. – Нет, не думаю, что это они. Ты не слышал? Все их общежитие до утра гудело, была какая-то вечеринка, и Миро нагишом скакал по лужайке перед фасадом. Слышал, его даже засняли в таком виде. Думаю, он приплатит журналистам, чтобы фото появилось на первых страницах.

Реджинальд поморщился.

– Все может быть, Макс. Не буду тебя отвлекать больше.

Макс кивнул, улыбнулся как-то понимающе – ему уже виделась война скромного профессора-простолюдина против богатого герцогского сыночка – и вернулся к пожарищу. Реджинальд постоял еще немного, наблюдая за работой пожарных, а потом вышел на главную аллею. Ему требовалось подумать, а делать это лучше всего было в библиотеке, окна которой, к его досаде, выходили на пожарище или же в зачарованной роще.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой говорится о предрассудках, а Мэб предпочитает паб пикнику

До роши Реджинальд так и не дошел, остановившись перед первыми же зарослями жимолости. Куст, весь усыпанный бледно-желтыми цветами, сотрясался в рыданиях, что было несколько необычно. Реджинальд перегнулся через заборчик и посмотрел на скорчившуюся среди сухих, отмирающих веток девушку. Низко склоненная к коленям голова и растрепанные волосы не позволяли разглядеть ее лицо.

– Барышня, – мягко позвал Реджинальд. – Мисс... Студентка!

Последний резкий окрик возымел свое действие. Девушка вскинула голову и попыталась вытянуться в струнку, не поднимаясь при этом с земли. Конечно же, она утратила равновесие, и Реджинальд едва успел перепрыгнуть через ограду и поймать ее за локти, не давая свалиться в кустарник.

– Мисс Шоу.

– П-п-п-профессор, – девушка посмотрела на него огромными голубыми глазами, влажными от слез, губы ее задрожали, и спустя полминуты девушка вновь разрыдалась.

– Что случилось? – Реджинальд присел на корточки и мягко взял девушку за плечи. – Это из-за пожара.

Шоу замотала головой.

– Из-за экзаменов? – иронично поинтересовался Реджинальд. В недели, предшествующие экзаменам, ему плачущими попадались не только хрупкие третьекурсницы, но и здоровенные пятикурсники с факультета военного дела. Последние, предвкушая зачет по боевой магии, плакали особенно горько.

– Н-нет... то есть, д-да, – выдавила девушка, пряча лицо.

– Нет, но да... В каком это смысле? – Реджинальд вздохнул. – Вот что, мисс Шоу. Поднимайтесь-ка, вытрите слезы, а лучше – умойтесь, а потом отправляйтесь в город, в кафе. Слышали, у нас теперь, кроме паба, есть еще и кафе? Кондитерская, как я слышал. Выпейте кофе со сливками, съешьте пирожное, и мир сразу же начнет казаться вам приятным местом, поверьте. Еще никто не умирал от экзаменов. Говорю вам как человек, который это все пережил.

– Нет, – трагическим тоном сказала Шоу. – Все кончено.

– Все?

Девушка вздохнула шумно, несчастно, и губы ее вновь задрожали от с трудом сдерживаемых слез.

– Лили, что стряслось? – строго спросил Реджинальд, меняя тон.

Девушка удивленно вскинула голову. Удивила и привела в чувство ее, скорее всего, не строгость тона, а то, что профессор Эншо помнит ее имя. Реджинальд долго смотрел в глаза Шоу, терпеливо дожидаясь, пока она успокоится,

вкладывая самые малые крохи магии для этого. Наконец девушка достала из кармана платок и вытерла щеки.

– Все кончено, профессор. Я не смогу сдать экзамены. Я больше не волшебница.

– О, – Реджинальд оживился. – У вас синдром Бэнсли-Рогена? Так что вы тут делаете? Идите, порауйте доктора Льюиса и доктора Сэлвина, внесите в их жизнь разнообразие.

– Почему... что... – Лили Шоу растерялась. – Что за синдром Бэ... нсли?

– Единственная задокументированная болезнь, из-за которой волшебник может потерять свои способности, мисс Шоу, это синдром Бэнсли-Рогена, о чем вам, несомненно, рассказывали в прошлом году. Болели им всего два человека – собственно Бэнсли и Роген, подхватившие в джунглях Тапаккануки странную лихорадку. Как выяснилось при последующих исследованиях, это произошло из-за того, что, обедая по приглашению вождя одного племени, они попробовали мозг зараженной обезьяны. Вы когда последний раз ели обезьяний мозг, мисс Шоу?

– Нет... вы не поняли, профессор, я... – Лили покраснела, став просто пунцовой. Понизив голос до шепота, она наконец выдавила: – Я больше не... ну, вы понимаете...

– Мисс Шоу, у меня тяжелые дни. Давайте обойдемся без загадок.

Пунцовая Лили Шоу сделалась ярко-алой, потом багро-

вой, потом пурпурной – под цвет королевской мантии. Наконец, набрав в грудь побольше воздуха, она выпалила, не делая пауз между словами:

– Ябольшененевинна!

– О, – Реджинальд потер переносицу, снова сожалея об очках. Сейчас бы ему не помешала хорошая пауза, которую дает протирание стекол. – И кто же... второй виновник... торжества?

Казалось, краснеть дальше некуда, но Лили это удалось. Она опустила взгляд на свои стоптанные ботинки, усыпанные лепестками жимолости, сжала челюсть и, казалось, готова была молчать даже под пытками.

– Ладно, пойдем другим путем, – вздохнул Реджинальд. – Сколько ему лет?

– Девятнадцать, – пискнула Лили.

Уже хорошо, кивнул Реджинальд. Значит, это, скорее всего, студент, а не какой-нибудь вконец охреневший преподаватель, охранник, служитель или другой взрослый житель Абартона. Хотя, нет, это как раз еще хуже.

– Вам, Лили, насколько я помню, нет еще восемнадцати. Рыцарь знал об этом?

Бурчание девушки Реджинальд расценил как «вероятно».

– Идемте, – взяв Шоу за локоть, он помог ей перебраться через ограду.

Они прошагали по аллее шагов двадцать, когда девушка заартачилась и встала, как вкопанная.

– Куда вы меня ведете?!

– Ну, поскольку услуги доктора Льюиса тут не помогут, я вас веду к мозгоправу. Идемте, Лили, никто вас не съест.

Они прошли мимо профессорской, на которую девушка взирала с ужасом, мимо главного корпуса, свернув на Восточную аллею. Дверь музея оказалась заперта. Вздохнул, Реджинальд пару раз ударил кулаком и позвал:

– Леди Дерован, нам очень нужна ваша профессиональная помощь!

* * *

Увидев Эншо, крепко удерживающего за локоть юную, заплаканную студентку, Мэб удивилась. Предположения появились, одно хуже другого, особенно когда девушка начала вырываться. Эншо просто затолкнул ее в холл, шагнул следом и запер дверь. На язык так и просилось что-то язвительное, оскорбительное, даже грязное, но девчушка шмыгала носом, размазывала кулачком по лицу дешевую тушь, все платье у нее было в мелких листьях и лепестках жимолости, а на щеке красовалась царапина. Это смягчило сердце Мэб. Махнув рукой, она повела гостей за собой сквозь пустой холл, в котором гулко раздавались их шаги, через хранилище в свой кабинет.

– Чашки в шкафу. И передайте мне банку с ромашковым чаем.

Рука Эншо замерла над внушительной коллекцией чаев, которую Мэб держала на работе. Брови его поползли вверх, точно в чаях было что-то необычное.

– Черная, на ней нарисована ромашка.

– А что в банке с пасленом? – самым любезным тоном поинтересовался Эншо.

Мэб фыркнула, вскрыла банку и щедро засыпала в чайник заварку, тщательно отобранные чайные листья и лепестки ромашки, немного душистых трав. Такой чай хорошо пить с медом, но этого в кабинет Мэб не приносила, боясь запачкать экспонаты и бумаги.

– Вот, – наполнив кружку, она буквально втиснула ее в судорогой сведенные руки девушки. – А теперь, объясните, пожалуйста, что случилось?

Студентка носом уткнулась в кружку, и разговорить ее, кажется, не представлялось возможным. Эншо, присев на край стола, разглядывал выставленные вдоль стен, заваленные книгами, бумагами и пакетами с неописанными артефактами шкафы.

– Профессор Эншо, раз уж вы пришли отвлекать меня от работы...

Девушка шмыгнула носом, но не произнесла ни слова.

– Видите ли, профессор Дерован... – Эншо прикусил губу. – Мисс Лили Шоу полагает, что она утратила магию.

– С чего бы это? – Мэб перевела взгляд на девушку. Та опустила голову еще ниже, вся дрожа. Постепенно до Мэб

начало доходить, о чем идет речь. – О, Боже... Так, за мной.

Мэб схватила Эншо за локоть и потянула за собой в узкий коридор, оканчивающийся небольшой ротондой, пока пустующей. Здесь она планировала однажды выставить какой-нибудь большой, красивый и опасный артефакт, огородить его цепью и показывать издалека. Ее предшественник – профессор Мехью, вредный старичок, чьи руки пропахли махоркой, – использовал это место как курилку, и комнатка до сих пор хранила крепкий запах дешевого табака.

– Эта девочка...

Эншо кивнул.

– Да. Я нашел ее рыдающей, полностью убежденной, что, утратив невинность, она утратила также и способность колдовать, и ее непременно отчислят.

– Боже, неужели кто-то еще в это верит? Ну, кроме моей мамы! – Мэб тряхнула головой. – Ладно, я-то тут при чем? Отправьте девушку к врачу или к ректору, или...

Эншо сокрушенно и как-то неодобрительно покачал головой.

– Лили – сирота, она здесь учится благодаря королевской стипендии. Ее величество лично курирует программу, если вы не забыли.

Мэб негромко фыркнула. Такое забудешь. О своей программе помощи талантливым сиротам и беднякам королева Шарлотта разговаривала с каждым, у кого были уши. Мама ежегодно жертвовала «на богоугодное дело нашей драгоцен-

ной правительницы», улыбалась на каждом приеме, отпускала цветистые комплименты, а потом, возвратившись в имение, обзывала королеву расточительной дурой.

– Лили еще нет восемнадцати. Ее любовнику уже девятнадцать.

– Черт.

Эншо кивнул.

– Вот тут вы совершенно правы, леди Дерован. Когда все это вскрыется, девушку ославят, парень приобретет сомнительную известность – он, полагаю, из тех, кого отчислять и судить не станут. А Университет получит скандал, который нам сейчас совершенно не нужен. Впрочем, меня-то это мало волнует. Меня беспокоит состояние Лили, которая свято убеждена, что ее будущее разрушено.

Мэб поморщилась. Она и сама не знала, что раздражает ее больше: глупость ли девчонки, поступок ее любовника или то, что Эншо зачем-то притащил эту поруганную невинность сюда.

– Поговорите с ней, – в голосе Эншо вдруг появились мягкие просительные нотки. – Убедите, что не произошло ничего непоправимого. Во всяком случае, в вопросе магии.

Мэб вздохнула.

– Почему я? Пусть с ней поговорит Ненси Дарлинг! У нее больше опыта в беседах с нервными плачущими девушками. Я не выдержу и, скорее всего, наору на девочку.

– Именно поэтому. От сюсюканья пользы не будет. Лучше

наорите. И объясните ей уже, что магию от такого не теряют.

Мэб раздраженно скрипнула зубами.

– Эншо! Вы меня вынуждаете...

– Леди Дерован, – рука, горячая и сухая, накрыла ее ладонь, и Мэб ощутила трепет. Она помнила прикосновения этой руки, и, против воли, это было приятное воспоминание. Эншо, кажется, тоже это понял, потому что быстро отстранился. – Пожалуйста. Она всего лишь глупый ребенок.

– Ваша взяла, – проворчала Мэб, отворачиваясь. – Я поговорю с ней. А вы убирайтесь, мужчины при таких разговорах не нужны.

– Спасибо, – лица Эншо Мэб не видела, но в голосе его звучала улыбка. – Если у вас получится, узнайте у нее имя любовника. А я попытаюсь разузнать что-нибудь у ее подруг. Я зайду попозже.

– Нет. У меня после четырех обед с Верне.

– Что ж, – Эншо прошел мимо нее, всколыхнув застоявшийся воздух, и к запаху махорки примешался аромат лекарственных трав, полыни и ромашки. – Если что-то узнаете, я буду у озера рядом с лодочной станцией. Отличная погода для пикника.

– Вечером дождь пойдет, – злорадно пророчествовала Мэб ему в спину.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Мэб разговаривает на самые неловкие темы, а Реджинальд испытывает неловкость сам

Закрыв за Эншо дверь, Мэб вернулась в кабинет. Девушка – Лили Шоу – сидела все так же неподвижно на стуле, вцепившись в кружку с остывающим чаем, словно это был щит.

– У тебя чай остыл, – заметила Мэб, наполняя свою чашку.

Машинально, не задумываясь, девушка провела пальцем по кромке, и над кружкой вновь поднялся ароматный дымок. Даже не заметив, что колдовала только что, Лили Шоу уставилась в пространство.

– Профессор Эншо мне все рассказал, – Мэб подкатила поближе кресло и села, закинув ногу на ногу. – Э-эй, мисс Шоу!

Девушка шмыгнула носом и продолжила играть в молчанку.

– Гм, хорошо... Оно того стоило? Тебе нравится парень? Лили Шоу пожала плечами.

– Ты не хочешь отвечать, дорогая моя, или не знаешь? – Мэб сощурилась, разглядывая ее сквозь ромашковый дым.

Хорошенькая, вся пунцовая. Она, конечно же, посещала занятия по истории магии, но совершенно не запомнилась, а значит, не блистала своими способностями и не выводила Мэб из себя наглостью и выходками. Совершенно невозможно было представить, как начать с ней, незнакомой, чужой, разговор на такую неловкую тему. – Эм... Знаешь... Моего первого звали Жак Дежернон, он был студент по обмену из Вандомэ. Такой красавчик. Ну... на Этьена Люса похож, знаешь такого?

– Актер? – Лили Шоу шмыгнула носом.

– Именно! Вылитый Этьен Люс, только без усов, – Мэб хихикнула. Жака она не вспоминала много лет, хотя, надо же, когда-то казалось, что она влюблена. – Он уговаривал меня четыре месяца. Два раза в окно моей спальни залезал по плющу.

Лили издала звук, отдаленно напоминающий восхищенное оханье.

– Невелик, знаешь ли, подвиг. Я жила на первом этаже в dormitorio Колледжа Принцессы. Помнишь, там еще так выпирает облицовка цоколя... в общем, в окно забраться легче легкого. Так вот, уговаривал он меня, уговаривал, а потом пришел, все, сказал, завтра я уезжаю, и мы никогда больше не увидимся! И я сдалась. И знаешь, что? Никуда он, мерзавец, не уехал и потом еще хвастал, что соблазнил меня. Я его таким чудесным проклятием наградила! Три недели общественных работ.

Против воли в голосе прозвучала гордость. Ни до, ни после Мэб не приходилось проклинать людей, она на спецкурс-то ходила только потому, что интересовалась историей, а примерно половина событий начинается с того, что кто-то кого-то чем-то проклял. Проклятие было стыдное, и Мэб искренне надеялась, что оно все еще действует.

– Магию я, конечно, не утратила, – сочла нужным уточнить Мэб. – Это – глупое суеверие.

Лили Шоу шмыгнула носом.

– И ты бы об этом знала, если бы внимательнее читала учебник.

– Простите... – пробормотала девушка.

Мэб придвинулась еще ближе и склонила голову, пытаясь разглядеть выражение заплаканного лица.

– Почему ты плачешь на самом деле?

Лили вновь отвернулась и пробормотала едва разборчиво:

– Я всех подвела.

– Каким образом? Лили, послушай, – Мэб попыталась говорить одновременно мягко и строго. – Твой дар по-прежнему при тебе. Никто не будет тебя ни в чем обвинять. Ты сдашь экзамены, я уверена, хорошо. Ты ведь умная, старательная девочка.

– Он проклял меня, – прошептала Лили. – И сделал снимки.

– Приплыли, – Мэб резко поднялась. Стул откатился назад и ударился о шкаф. Вниз упали несколько пухлых тетра-

дей. – Проклял и сделал снимки? Чем проклял? Какие снимки?

– Сказал, если я расскажу о нем хоть кому-то, то всем станет ясно, какая я распущенная девка.

Лили Шоу еще ниже опустила голову, вжала ее в плечи, ссутулилась. Мэб мгновенно растеряла весь свой скептицизм и всю игривость. Девочка действительно напугана, смертельно напугана, и она верит в то, о чем говорит. Всем станет ясно, какая она распущенная? Ха!

– Сядь прямо. Отдай мне кружку, руки на колени ладонями вверх, – поставив кружку с нетронутым чаем на пол, Мэб обошла замершую девушку. На первый взгляд ни следа проклятья. Но, если натренироваться, можно так его наложить, что никто не заметит. Или, как вышло это когда-то с Жаком Дежерноном, проклясть сгоряча и от души, и за дело. – Как он тебя проклял? Что-то сказал, сделал?

– Он сказал, что сделал подклад, – еле слышно отозвалась Лили. – Если я скажу его имя, то... мне же хуже.

– Это обычная угроза, Лили, – Мэб подошла, присела на корточки и осторожно погладила девушку по судорогой сведенной руке. – Он просто мерзавец, который решил напугать тебя, чтобы ты молчала. Он применял к тебе насилие?

Лили мотнула головой.

– Я сама согласилась.

– Согласилась? В форме «Да, пожалуйста» или «Да, пожалуйста, только не делай со мной ничего плохого»?

Лили промолчала.

Мэб подскочила, не в силах усидеть на месте.

– Что за снимки?

– Он снял меня... голый. У него есть моментальная камера, – прошелестела Лили, вновь опуская взгляд в пол. – И еще... он показал... кто-то снял... нас... ну...

– Хватит! – Мэб запрокинула голову, разглядывая потолок. Ну почему Эншо привел эту несчастную жертву к ней? Ей своих проблем мало? Им своих проблем мало? Со своей бы сексуальной жизнью разобраться, прежде чем переходить к чужой.

– Вот что, Лили. Отправляйся в свой корпус, скажись больной и отдохни пару дней. Если заметишь что-то странное, немедленно обращай к профессору Эншо... или ко мне. А я найду специалиста по проклятьям и...

– Нет! – Лили Шоу испуганно вскинула голову, и у нее прорезался голос. – Нет! Не надо! Если кто-то узнает... это опозорит ее величество!

– Хорошо, хорошо, ты права, я никому и ничего не скажу, – Мэб вздохнула. – Я сама поищу надежный способ обнаружить проклятье, идет? Лили, идет?

Девушка медленно кивнула.

– А теперь – иди домой и хорошенько выпись, – Мэб подняла девушку со стула, обняв за плечи. – И не связывайся больше с этим человеком.

Выпроводив Лили, Мэб прислонилась спиной к двери,

прикрыв глаза. «Грёзы», пожар в общежитии, насильник. Веселое окончание учебного года, нечего сказать. Может быть, следовало все же остаться в Имении? Бесконечная вереница женихов начала представляться Мэб в значительно более радужном свете.

* * *

Мэб Дерован в брючках все не выходила из головы. Отчасти потому, что зрелище было непривычное, что-то менялось в этой знатной и гордой женщине, появлялась какая-то незнакомая простота. Отчасти же потому, что ноги были удивительно хороши. Если какая-нибудь сумасшедшая при дворе или в Кванионе введет брюки в моду, не будет больше мужчинам покоя. Потребовалось некоторое усилие воли, чтобы, наконец, отодвинуть на задний план видение и заняться делом.

Сперва нужно было расспросить подруг Лили Шоу по общежитию.

Девушка обучалась в Колледже Шарлотты, самом новом из всех, располагавшемся притом в одном из самых старых зданий Университета. Оно затесалось среди учебных корпусов и выглядело заблудившимся ребенком среди взрослых. Королева Шарлотта вложила в свое начинание немало средств, привлекла деньги равнодушных аристократок, жен финансистов, актрис, а также всех тех, кому просто нра-

вится привлекать к себе внимание. К знатым дамам в мас-се своей Реджинальд относился с неприязнью, но королева своим энтузиазмом всегда восхищала. По ее распоряжению старое здание расформированного факультета теологии было отремонтировано, переоборудовано под нужды колледжа, и в него заселили двадцать пять девушек-сирот из самых бедных слоев населения. Они учились в Абартоне на королевскую стипендию, что придавало им одновременно ореол героинь и изгоев.

Комендантом общежития была сухощавая, надменная Диди Варгас, преподавательница этики и хороших манер, предмета, который, как казалось всегда Реджинальду, следовало сделать обязательным для студентов Королевского колледжа прежде всего. Ее заместительница, старшекурсница Марси, с немалым энтузиазмом посещала лекции по артефакторике и проявляла отличные способности, но было в ней нечто... еще не неприятное, но настораживающее.

– Мисс Гленден, – позвал Реджинальд, пройдя через прохладный холл общежития.

Девушка подняла голову от пухлой тетради, куда записывали все хозяйственные нужды, посетителей, нарушителей и прочие важные в жизни дормитория вещи.

– Профессор? – на губах Марси Гленден появилась услужливая улыбка. Да, пожалуй, именно этим она и не нравилась: всегда готова была услужить, притом любым способом. – У нас какие-то проблемы?

– Почему вы так думаете? – удивился Реджинальд.
Марси вздохнула.

– По другим причинам к нам не приходят. На прошлой неделе леди Сиболд заходила. Говорила, кто-то из наших девочек украл у нее золотые часы. Потому что, естественно, воруют только простолюдины, – Марси передернуло. Тряхнув головой, она соорудила средней степени очаровательности улыбку. – Так в чем дело, профессор?

– Я хотел бы поговорить с подругами мисс Шоу. Где я могу их найти?

– Лили? – Марси пожала плечами. – Я ее подруга. И наставница. Вы ведь знаете, Лили еще только на втором курсе, и мы придерживаемся этой системы строго. Она что-то натворила?

– Нет-нет. Не совсем... – Реджинальд обнаружил, что невероятно трудно говорить на эту тему с молодой девушкой. Он бы предпочел, чтобы и с мисс Гленден поговорила леди Мэб, но сомневался, что сможет уговорить ее второй раз. – Дело в том, что... Я сегодня наткнулся на мисс Шоу буквально под кустом. Она плакала. Боюсь, она попала в неприятности.

Лицо Марси вытянулось, а глаза, ярко-голубые, в чем можно было заподозрить действие магических линз, потемнели.

– Какого рода неприятности, профессор? Это связано с ее парнем?

– Увы.

– Идемте, разговор, судя по всему, будет долгий.

Марси выскользнула из-за стойки и пошла к выходу из общежития, на ходу поясняя, что нехорошо разговору доходить до ушей комендантши. Они присели на лавочку под деревьями у северной стены здания, и Марси Гленден вытащила из кармана юбки портсигар.

– Мне уже девятнадцать, – суховато напомнила она, перехватив неодобрительный взгляд Реджинальда. – Что с Лили?

Испытывая изрядную неловкость, Реджинальд рассказал о том, что узнал от самой Лили Шоу, выбрасывая все лишние подробности. Марси все больше мрачнела, темнела взглядом, давно уже позабыв о прикуренной сигарете. Когда Реджинальд умолк, она резко затушила окурок о край скамейки и метко бросила в урну.

– Боже! Я ведь предупреждала ее!

– Вам известен ее парень? – спросил Реджинальд с надеждой.

Марси, однако, его разочаровала, мотнув головой.

– Увы, профессор. Лили – девочка скрытная. Это Джейн бы всем разболтала или Элси, но только не наша Лили Шоу. Я и узнала-то об этом парне случайно, застукала их как-то вечером в парке за поцелуями. Но лица я не видела, так что... – Марси развела руками. – Знаю только, что он из Королевского колледжа. Видела эмблему.

Этого стоило ожидать. Кому, кроме богатых, знатных

и самодовольных учеников Королевского колледжа, хватило бы наглости и бесстыдства соблазнить юную сироту, чье положение в мире до сих пор слишком шатко. Реджинальд потер переносицу, вспоминая всех студентов в возрасте двенадцати-двадцати лет. Вышло никак не меньше двадцати четырех человек.

– Блондин, брюнет? Мисс Гленден, хоть что-то же вы видели!

Марси сокрушенно покачала головой.

– Увы, профессор. Я видела эмблему на его пиджаке, видела его ботинки – роскошные просто, лакированные. Да, что-то блестело у него на руке... на левой, – уточнила девушка.

– Перстень братства. Это тоже не поможет, – Реджинальд поднялся, продолжая растирать переносицу и как никогда сожалея об очках, да не тех, что носил когда-то, а о других – из сказки, что он слышал когда-то в детстве. Волшебные стекла, омытые росой, позволяли видеть истину. – Мисс Гленден, если вы что-то узнаете, пожалуйста, сообщите мне. И пока больше никому об этом не рассказывайте. Нам не нужны слухи.

Марси согласно кивнула, убрала портсигар назад в карман юбки и поднялась. И, стоило только ей встать на ноги, порыв ветра откуда-то сзади – заколдованный, ведь в двух шагах от скамьи была стена дома – швырнул ее на Реджинальда. Он едва успел поймать девушку, обхватив за талию, и ощу-

тить сильный запах табака и ментола, которым она пыталась перебить первый. Реджинальд собирался уже отодвинуться и убрать руки, когда услышал щелчок затвора, негромкий – такой звук издает дорогой переносной моментальный фотоаппарат вроде «Легоса».

Реджинальд разжал руки и обернулся.

– Мирю.

Юнец помахал в воздухе свежим снимком и демонстративно убрал его во внутренний карман пиджака, после чего попытался заглянуть Реджинальду за спину. Марси пискнула и, прикрывая лицо, бросилась к дверям dormitorio. Реджинальд проводил ее взглядом и вновь повернулся к Мирю.

– Фотокарточка.

Мирю вытащил снимок, оглядел с преувеличенным вниманием и пожал плечами.

– Ну, не знаю, профессор. Вы отлично получились. Мути-те с девчонками королевы?

– Снимок, Мирю, – Реджинальд протянул руку, готовый в любую минуту щелкнуть пальцами. – Учтите, я могу сжечь его прямо в ваших руках, но мне нелегко будет контролировать пламя, и вы можете пострадать.

– Пф-ф! – юнец хорохорился, как мог, но в глазах его мелькнуло что-то, похожее на тревогу. План мести оказался, мягко говоря, провальным, и этому можно было только порадоваться.

– Снимок, – мягко повторил Реджинальд, – и я не соби-

раюсь говорить это в четвертый раз. Считаю до двух с половиной, Миро. Раз.

– Да подавитесь!

Миро швырнул карточку на землю, наступил каблуком – кстати, отличные ботинки, лакированные – и, развернувшись, ушел прочь по аллее. Реджинальд нагнулся, поднимая снимок, и развернул лицом. Конечно, ничего особенного Миро заснять не сумел. «Легос» не дает приличного фокуса, тень от граба ложится на скамейку, и невозможно опознать двух обнимающихся людей. Но при большом желании – а таковое у Миро несомненно было – можно отыскать в этом снимке нечто непристойное. Реджинальд покачал головой. Мало у него проблем, теперь еще и Миро с его незрелой, детской мстью.

Прав был ректор, у студентов слишком много свободного времени, универсиада пойдет им на пользу.

Спалив фотокарточку на открытой ладони и ссыпав пепел в урну, Реджинальд пошел в сторону профессорского корпуса – освежить в памяти список старшекурсников Королевского колледжа и, может быть, перекинуться парой слов с ректором. Он до сих пор не мог решить, следует ли ставить ректора в известность о произошедшем с Лили Шоу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Мэб слишком невнимательна для флирта, а Реджинальд слишком хорош собой в солнечном свете

Дальнейшие дела не клеились. Мэб около получаса перекладывала с места на место коробочки с амулетами, машинально вписывая их имена и названия в тетрадь, но так ни один и не проверила. Перед глазами все еще стояло залитое слезами лицо Лили Шоу. Девочка была, по большому счету, сама виновата, что доверилась плохо знакомому человеку. Но не такой ли была сама Мэб в ее годы?

– Леди Мэб?

Голос Верне едва не заставил подскочить на месте. С минуту Мэб сверлила взглядом столешницу, собираясь с мыслями и клея на лицо приветливую улыбку. Потом она крутанулась на стуле, сверкая этой улыбкой, фальшивой, но, кажется, достаточно убедительной. Верне улыбнулся в ответ.

– Уже половина пятого, леди Мэб. Вы обещали мне обед.

Мэб поднялась, отряхивая одежду от пыли, которая в музее была повсюду и всегда.

– Простите, боюсь, я сегодня не одета для...

– Глупости! – Верне окинул ее долгим, оценивающим,

каким-то голодным взглядом, от которого мурашки бежали по коже. – Вы великолепно выглядите, леди Мэб. Больше вам скажу: брюки надо срочно вводить в моду.

– Моя мама будет в ужасе, – усмехнулась Мэб. – Вас это в самом деле не смущает, Кристиан? Признаться, я проголодалась.

– Моя дорогая леди, – Верне взял ее руку и поднес к губам. Поцелуй вышел горячий и влажный, многообещающий, словно Верне касался не тыльной стороны ладони, а ее губ. – Кто осмелится оскорбить вас пренебрежением? Вы великолепны в любом наряде.

– А вы бесстыжий лжец, – Мэб отняла руку и потянулась за жакетом. – Ваша взяла. Идемте.

Идти пришлось мимо пожарища. Пожарные уже начали растаскивать баграми здание dormitorio, грозящее свалиться на головы прохожим. Зеваки – их было меньше, чем днем, – наблюдали за этим с безопасного расстояния, высказывая порой самые дикие предположения. Примерно половина винила в пожаре магию, в газетах как раз писали о спонтанных возгораниях. Мэб настоятельно отсоветовала своим ученикам читать эту чушь, но, кажется, даже самые светлые головы ее не послушали. Вторая половина зловещим шепотом убеждала, что это был поджог, и без смущения указывала на студентов Королевского колледжа.

– Соболезную, – Верне остановился ненадолго, разглядывая руины. – Я слышал, погиб ученик.

– Увы, – Мэб нервно потерявила пуговицу. – Как сказал бы ректор, это – несчастливое стечение обстоятельств, и обычно у нас все не так.

– Я верю, леди Мэб, – грустно улыбнулся Верне. – Я действительно соболезнаю.

Мэб кивнула.

– Идемте, я и в самом деле проголодалась.

В городе тоже обсуждали пожар и даже предлагали впервые за сто сорок лет закрыть ворота, но пока не всерьез. И все же, Мэб ощущала тревогу, повисшую в воздухе угрозу. Это неприятное, тягостное ощущение даже перекрыло смущение от того, как все глазели на ее ноги в брюках.

В пабе Мэб предпочла занять угловой столик, сесть так, чтобы никто не обращал на нее внимания. Верне сел напротив, словно нарочно закрывая ее от зала, и взял из рук розовощекой любопытной официантки меню.

– Что посоветуете?

– Мона отлично готовит, – пожала плечами Мэб. – Но лично я предпочитаю брать рыбу с картошкой.

Верне вскинул брови.

– Недостаточно аристократично? – улыбнулась Мэб. – Что есть, то есть.

– Две порции рыбы с картошкой, милая, – Верне подмигнул покрасневшей официантке. – И кувшин имбирного пива. Вы не возражаете?

Мэб пожала плечами.

Выставив локти на стол, Верне подался вперед, разглядывая ее со странной смесью дружелюбного интереса и какого-то предвкушения. На Мэб мужчины так часто смотрели, она была хороша собой, но редко это раздражало. А вот в интересе Кристиана Верне было что-то... неправильное. А может, это в ней говорило зелье? В конце концов, оно должно повлиять на ее суждения, на восприятие окружающего мира и людей, сконцентрировать все мысли, чувства и желания на одном человеке.

При этой мысли Мэб передернуло.

Завтра, дала она себе зарок, нужно обязательно подыскать в библиотеке нужные книги. Под любым предлогом.

Принесли кувшин легкого пива – на самом деле имбирному, легкомысленному и игривому, Мэб предпочитала хороший черный портер – соленые рогалики и две тарелки рыбы с жареной картошкой, щедро присыпанные лимонной цедрой. Запах цитруса щекотал ноздри. В животе заурчало, и Мэб ощутила, как к щекам приливает кровь.

– Совсем заработались, леди Мэб? – дружелюбно подмигнул Верне.

– Д-да...

День был безумный, суматошный, начавшийся с пожара, продолжившийся проблемами Лили Шоу, а завершиться он наверняка должен был... вилка выпала из рук Мэб и свалилась под стол. Пришлось нагибаться, поднимать ее и протирать старательно салфеткой. В такой толчее бесполезно было

привлекать внимание официантки. Дверь открывалась и закрывалась, впуская все новых гостей, горожан, преподавателей, студентов, сменивших форменные мантии на жакеты с приколотыми к лацканам значками колледжей. Вошли, держась особняком, девочки из Колледжа Шарлотты, остро напомнив Лили. Испуганные, чувствующие себя постоянно не в своей тарелке дети.

– Леди Мэб!

– Простите, – Мэб отвела взгляд от студенток и с некоторым трудом перевела его на Верне. – Задумалась.

– Вы, леди Мэб, слишком много работаете, – покачал головой Верне. – Я слышал, ваш ректор собирается устроить универсиаду?

Об этом Мэб слышала в первый раз, впрочем, идея была не свежа.

– Это хороший способ занять студентов в летнюю сессию, Кристиан. Всем нам иногда нужно побегать по травке или покататься на лодке по озеру.

– Вы будете соревноваться с Эньюэлсом?

– Возможно, – пожала плечами Мэб. – По правде сказать, мы постоянно соревнуемся с Эньюэлсом.

Верне обворожительно улыбнулся, наколот на вилку огурчик – их вместе с пикулями подали на отдельной тарелке – и изучил его со всех сторон. Когда он перевел взгляд, Мэб ощутила себя таким же вот огурчиком, возможно, далеко не самым лучшим.

– Боюсь, я еще больше внесу разлад, леди Мэб, – Верне отложил вилку, подался вперед и сказал доверительным тоном. – Я все еще раздумываю, кому передать грант: Абартону или Эньюэлсу. На мой взгляд, в Роанате слишком много учебных заведений. В Западной Ватае, к примеру, Университет всего один, и этого вполне достаточно.

– В Ватае население меньше вполовину, – рассеяно ответила Мэб, не сводя взгляд с двери. В паб зашел, смеясь, Миро в сопровождении привычной своей компании: Барклен, Барнли и Эскотт, – и немедленно направился к устроившимся на высоких табуретах у стойки девушкам из Колледжа Шарлотты. Миро приобнял одну из них, рыженькую, за плечи, склонился ниже и зашептал жарко на ухо. Девушка покраснела, отчаянно, ярко, как краснеют только рыжие. Ее подружки захихикали. – Простите, Кристиан, я должна вас оставить.

Барнли изучает магию. Его наставница – кто-то из мастеров чар и проклятий, кажется, Джenezе Оуэн.

– Вы обиделись, Мэб? – Верне поймал ее за руку. Ладонь была горячей и мягкой, а шаловливые пальцы скользнули под рукав жакета, под манжет рубашки, ловко расстегнув пуговичку, и провели по запястью там, где бился нервно пульс. Дрожь прошла по телу, сразу и не сказать – возбуждения или отвращения.

Мэб осторожно отняла руку.

– Нет-нет, Кристиан, ни в коем случае. Я просто вспом-

нила об одном срочном деле. Спасибо за обед. Надеюсь, вы останетесь до майского бала?

Звучало так, словно Мэб не хотела встречаться с ним ближайшие две недели. Впрочем, ей самой было не до того, как двусмысленно могут звучать слова. Миро и его приятели – как раз те бесстыжие, лишенные каких-либо нравственных ориентиров люди, что могут соблазнить девушку, а потом напугать ее, чтобы рта раскрыть не смела. И проклясть тоже могут. Ярко-бирюзовый Лигос, свисающий с плеча Миро, напомнил о фотоснимках.

– Вы обещаете мне танец, леди Мэб? – обворожительно улыбнулся Верне.

Мэб обнаружила, что уже позабыла, о чем шла речь. Она кивнула, вернула улыбку, бесцветную, рассеянную, и начала пробираться к выходу. Миро вскинул фотоаппарат, сделал снимок пунцового лица девушки, достал карточку и принялся размахивать ею в воздухе, говоря что-то сладким, вкрадчивым тоном.

Пришла мысль, от которой Мэб слегка замутило: положение отца Миро слишком высоко, он делает огромные пожертвования, больше того – хуже того – он приятельствует с вон Гревом. Если мальчишка сделал что-то с Лили Шоу, то от попытки наказать его пострадает только она сама, а также те непрощенные доброхоты, которые вступятся за девушку. Едва ли сама Мэб – ее род превосходит Миро по древности и связям, – но вот Эншо потеряет работу. В другое вре-

мя Мэб, возможно, испытала бы при этой мысли некоторое дешевое удовлетворение, но не сейчас, когда они оказались связаны. Нет, это дело придется распутать, не вмешивая ректора. И если соблазнителем и шантажистом действительно окажется юный Мирó, найти способ наказать его самостоятельно.

Мэб вывалилась из душного паба на прохладную улицу, чувствуя себя необыкновенно глупо. О чем она думает? Что планирует? Почему бы не выбросить из головы чужие проблемы и не заняться своими?

Потому что, мрачно напомнила себе Мэб, собственные проблемы до того неприятны, что думать о них не хочется, не хочется возвращаться домой и видеть Реджинальда Эншо. Не хочется опять испытывать то безумное, дикое, навешенное колдовством вожеление, отдаваться ему. Сопротивляться, впрочем, тоже не хочется.

День уже клонился к закату, солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая все в удивительные золотистые тона, но горизонт отливал алым – верная примета близкой непогоды. И птицы летали низко, тревожно перекликаясь. По озеру, к которому Мэб вышла через полчаса быстрой на грани приличия ходьбы, шла нервная рябь. В учебнике предсказаний, который она последний раз открывала на четвертом курсе, это обещало неприятности. Кажется, Мэб плохо помнила тот учебник.

Она спустилась по склону, поскальзываясь на траве и как-

то болезненно ощущая все вокруг. Запах примятой травы, по-майски свежей. Запах тины – от озера. Легкую влажность воздуха. Золотые лучи солнца на коже. Приближение ночи. Должно быть, «Грёзы» после заката становятся сильнее. Мэб уже начинала ощущать их томительное действие: пока еще слабый отголосок вожделения, предощущение, обещание страсти.

Эншо лежал на причале, непривычно растрепанный, без пиджака, без галстука, в расстегнутой жилетке. Пальцы его все теребили цепочку часов, лежащих рядом на серых от времени досках. Солнце золотило легко выгорающие волосы и осыпало кожу мужчины веснушками, и сейчас это казалось удивительно привлекательным. На какое-то мгновение это стало важным, главным, а все прочее ушло на второй план. К черту Лили Шоу, к черту Верне с его грантом, Эньюэлс, ректора, Миро с друзьями. К черту все, кроме лучей солнца на золотистой коже.

Мэб поскользнулась на влажной траве у самого причала и едва не упала. Чтобы удержать равновесие, она ухватилась за перила, посадив занозы, и резкая боль отрезвила ее. Все ушло, осталось только раздражение. Мэб выругалась. Услышавший ее наконец – или соизволивший обратить внимание – Эншо поднял голову.

– Леди Дерован?

Мэб Дерован была раздражена, и в том не было ничего необыкновенного. Признаться, она была, как казалось Реджинальду, раздражена постоянно. И очень хороша в своем с трудом сдерживаемом гневе, который вот-вот готов был выплеснуться на ни в чем не повинные перила. Мэб пнула их самым неаристократическим образом, напоминая Реджинальду торговок с городского рынка, которых он привык видеть в детстве. Те точно так же пинали колонку с водой, не желающую работать; телегу, преградившую путь; мальчишку-газетчика, на минуту замешкавшегося.

Мэб поднесла ладонь к глазам и нахмурилась.

– Ну вот, занозы.

– Нужно быть осторожнее, – назидательно сказал Реджинальд, легко поднимаясь.

Он сделал шаг и окунулся в аромат цветов и смол – странное, противоречивое сочетание, любимые духи Мэб Дерован. Она не изменяла ему за шесть лет ни разу. Иногда он раздражал, иногда привлекал, сегодня же – нешуточно будоражил воображение. Тонкий, соблазнительный, он остался ночью на подушке. Такие ароматы всегда быстро тают на коже, но долго остаются на ткани и волосах.

Мэб потрясла рукой, словно надеясь таким образом избавиться от занозы.

– Отвести вас к доктору Льюису? – с фальшивой любезностью предложил Реджинальд, не сводя взгляда с бледной

изящной ладони.

– Пинцет найдите, – огрызнулась Мэб.

Реджинальд нагнулся, поднял пиджак и вытащил из внутреннего кармана небольшой несессер. В нем, помимо всего прочего, сыскался и маленький изящный пинцет, с которым удобно и артефакты монтировать, и занозы вытаскивать.

– Дайте руку, – Реджинальд протянул ладонь.

Леди Мэб мотнула головой, вызывая целый шквал аромата. Выбившиеся из прически пряди задели щеку Реджинальда. На мгновение он забыл, что хотел сказать. Ах, да.

– Вы правша, леди Мэб. Бросьте эти глупости и дайте мне руку.

Морщась, женщина протянула ему раскрытую ладонь. Пальцы слегка дрожали, и пришлось сжать их крепче в своей руке, склониться ниже, пинцетом подцепляя занозы одну за другой. Раз. Два. Три. Запах цветов... что это? Не роза, не лилия, что-то тоньше, проще и экзотичнее одновременно.

– Что у вас за духи?

Мэб попыталась вырвать руку.

– В-вишня и кедр.

Поцелуй в раскрытую ладонь был лишним. Оба вздрогнули, отстранились, и пару минут смотрели друг на друга. То, что поднималось изнутри – и вместе с тем пришло извне, было им чуждо – заставляло дрожать. Мышцы сводило судорогой. Внутренности скручивало от ожидания, предвкушения, жажды.

– Нам... – голос Мэб сел, охрип, и это звучало удивительно сексуально. – Нам лучше пойти домой.

– Да, – таким же хриплым голосом согласился Реджинальд. – Домой.

Он бесцеремонно схватил Мэб за руку и потянул за собой вверх по склону.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Мэб решает, что ей не жаль кушетку, а Реджинальд варит свой особый ночной кофе

В чем-то утрата контроля над собой была восхитительна. Мэб выпустила вожжи, позволяя своим страстям нестись на максимально доступной скорости, от которой кружилась голова, а перед глазами мелькали цветные пятна. Это было как катиться кубарем с холма, то и дело носом утыкаясь в метелки медоносов: и больно, и стыдно, и сладко. Остатки разума порой еще напоминали о себе, и Мэб оттащила Эншо от лестницы. Только не спальни, там им еще спать.

– Кушетка...

Эншо кивнул, такой же ошалевший, переставший сдерживать себя. Пахнувший закатившимся солнцем и теплой озерной водой. Приближающимся летом.

Желание стало почти нестерпимым. Это было острее, ярче, чем в прошлый раз, чем в позапрошлый; ярче всего, что Мэб когда-либо испытывала в жизни. Она еще пыталась сохранить рассудок, но за считанные секунды его смыло приливной волной желания. Ее затопило это желание, оно превратилось в необходимость: содрать одежду, коснуться го-

рячей кожи, ощутить колючие золотые нитки в вычурной немного помпезной обивке кушетки. Они царапали голые ягодицы Мэб, оставляя тонкие длинные царапины, и это лишь усиливало восторг. Боль, которой обычно побаивалась, она сейчас готова была принять с радостью. Сейчас боль мешалась с наслаждением так прочно, что одно нельзя было отделить от другого. Эншо вошел, грубо, резко, кушетка скрипнула, резанув этим звуком по оголенным нервам. Мэб застонала, вонзая ногти в спину любовника, а потом, когда темп стал быстрее, резче, чем она могла перенести, впилась в его плечо зубами, глуша крики. Экстаз закружил ее, смысл в водоворот, в темноту, где Мэб, не различая времени, парила, раскинув руки и ноги в бесстыдстве.

Потом вернулось сознание, а вместе с ним и стыд. Мэб оттолкнула от себя тяжело дышащего Эншо, сдернула со спинки кушетки шаль и накинула сверху. Шаль была почти прозрачная и мало что скрывала.

Эншо поднялся, медленно, лениво – Мэб отвела взгляд от его гибкого, сильного тела, не желая, чтобы к наколдованным фантазиям прибавились еще и реальные, – и начал не спеша одеваться. Натянув брюки и наспех застегнув рубашку, он подержал свой жилет и пиджак на вытянутых руках, а потом небрежно бросил на кресло. Босой, с растрепанными волосами, в которых играли золотистые искры, он был слишком хорош собой, и странно, что Мэб прежде этого не замечала. Она закусила губу. Это все следствие чар, про-

клятого зелья. Она не считает Реджинальда Эншо привлекательным человеком, как и он в действительности не желает ее. В этом одна из опасностей «Грёз» – ты быстро начинает путать и смешивать реальность и фантазии.

– Кофе хотите?

Суховатый при всей дружелюбности тон вернул Мэб к действительности. Эншо сидел на корточках у камина, неторопливо разжигая магическое пламя. Оно скользило по аккуратно уложенным поленьям, танцевало, разбрасывая разноцветные искры, но не грело и даже не повреждало дерево.

– Так кофе?

Мэб неуверенно пожала плечами. Шаль, и без того ажурная, сползла, задев все еще напряженный сосок, и пришлось закусить губу. Эншо, как показалось, с некоторым трудом отвел взгляд и молча вышел. Скрипнули половицы, затем ступени лестницы. Мэб поднялась, неуверенно кутаясь в шаль, дырявую, словно сеть. Ее одежда была неопрятными кучками разбросана по всей комнате от самой двери и до кушетки. В памяти почти не осталось, как они раздевались. Только вспышки, словно из стробоскопа. Мэб посмотрела на кушетку с некоторой ненавистью, словно несчастный предмет мебели совершил предательство. Хорошо, пусть будет происходить здесь. А потом Мэб порубит кушетку на кусочки и сожжет.

Больше не оборачиваясь, не поднимая глаз от пола, Мэб

дошла до двери, поднимая предметы одежды один за другим, и на пороге столкнулась с Эншо. Все еще почти обнаженная, все еще возбужденная – отголоски чар вызывали мурашки на коже. Рубашка Эншо оказалась гладкой на ощупь, сделанной из великолепного хлопка – такие продают на Грайзсквер по десять фунтов за штуку.

– Держите, – Эншо протянул аккуратно сложенный халат, Мэб помнила, как бросила его в спальне на кресло. – Я все-таки сварю кофе.

Он вышел, так что Мэб не успела сказать «спасибо». Пользуясь отсутствием Эншо, она быстро привела себя в порядок, надела халат – застегнутый на все пуговички, перепоясанный, он вполне мог сойти за домашнее платье – и присела на краешек кушетки. Прошло всего несколько минут, а Мэб ее уже ненавидела, ненавидела тот скрип, который старая кушетка, набитая соломой, издает при малейшем движении. Больше в гостиной – за вычетом кресла Эншо, сесть было некуда.

Нужно было уйти наверх, но Мэб почему-то продолжала сидеть и ждать Эншо. Ах, да, она же собиралась поговорить о Лили Шоу и о Миро.

Запахло кофе с пряностями, цитрусами и почему-то – пеплом. Эншо вошел, легко удерживая одной рукой большой деревянный поднос, щелкнул пальцами, и столик выбежал из угла и замер на разделительной полосе.

– Выпейте, – Эншо наполнил чашки. – Полегчает.

– Да вы позёр! – фыркнула Мэб. Отчего-то эта выходка со столом, столь явно демонстрирующая магическую силу Реджинальда Эншо, одновременно разозлила и позабавила. Среди аристократии считалось хорошим тоном сдерживать свою магию, там столы и кресла не расхаживали по дому. Впрочем, расхаживали слуги.

Мэб взяла чашку, избегая соприкасаться с Эншо пальцами, вернулась на кушетку и поерзала, морщась от противного, напоминающего о минутах позора скрипа. Реджинальд словно и не замечал ничего, удобно устроился в кресле – Мэб впервые обратила внимание, насколько же оно комфортное, несмотря на свой непрезентабельный вид – закинул ногу на ногу и перевел взгляд на волшебный огонь в камине. Ложечка размешивала кофе сама, и это тоже не одобрялось светским обществом. Наконец Эншо очнулся, перехватил ложечку и улыбнулся мимолетно.

– Извините, привык.

Мэб закатила глаза. Потом она сделала глоток кофе, осторожный – никогда не была любительницей этого колониального напитка – и ощутила на языке горечь, и сладость меда, и легкую пряность. Совсем как нынешняя ее жизнь: вкусно, но в целом не по нраву. Мэб сделала еще один глоток, скрестила щиколотки и посмотрела на свои босые ступни.

– Я разговорила Лили Шоу. Это что угодно, но только не романтическое приключение. Человек, который соблазнил – если не изнасиловал – ее, угрожает проклятьем. А еще,

у него есть фотоснимки.

– Проклятье? – с тревогой переспросил Эншо.

– Я ничего не почувствовала, – пожала плечами Мэб. – Но я в этом не сильна. Лили также ничего не чувствует, не знает наверняка, но верит.

– Этого уже достаточно, – согласился Эншо. Ложечка вновь принялась сама по себе размешивать кофе. Он только рассеяно щелкал пальцами.

– Я думаю, это кто-то из Королевского колледжа, – неохотно добавила Мэб. На секунду показалось – вот глупость – она предает свой класс. Потом пришло осознание, что это мамины слова. Сама Мэб никогда в жизни не ощущала себя представительницей не то, что класса – собственной семьи.

– Я тоже так думаю, – кивнул Эншо. – Подруга Лили видела парня, его значок, но не лицо. Это может быть кто угодно.

– Я бы поставила на Миро с друзьями. У него есть фотокамера. А Барнли и Барклен изучают магию.

– Да, – рассеяно кивнул Эншо. – И Барклен учится у Дженеze, во всяком случае – формально. Боюсь, он столь же ленив, как и все прочие.

Мэб неприятно царапнуло при звуках имени Дженеze Оуэн. Наколдованная ревность оказалась еще противнее наколдованной страсти.

– Если все это станет известно, вспыхнет скандал, – Эншо поморщился. – С одной стороны министр Миро, с дру-

гой – ее величество. Пресса ухватится за такие новости, юного Миро в конце концов найдут, чем оправдать, а Лили Шоу навсегда ославят шлюхой.

– У вас пессимистичный взгляд на мир, – заметила Мэб. Она и сама не сомневалась, что студенты Королевского колледжа выйдут сухими из воды, просто хотелось сказать и сделать что-то в пику Реджинальду.

– Реалистичный, леди Дерован, – покачал головой Эншо. – Вы ведь не знаете, кто были родители Лили? Отец – какой-то моряк, которого занесло в Танталлон, а мать – проститутка, скончавшаяся от болезней в благотворительном госпитале. Как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем на девушку навесят ярлыки?

Мэб передернуло: от тона Эншо, от сквозящего в нем превосходства и брезгливости, от слов о семье Лили Шоу, да и от себя самой тоже. «Это не мое дело», – твердил внутренний голос, и слушать его было противно.

– И что вы предлагаете делать?

Эншо отставил недопитую чашку и потер переносицу.

– Понятия не имею. У нас и без Лили хватает проблем, но... Я не могу бросить девочку, леди Дерован.

– Ясно, – кивнула Мэб. – У вас профессиональная деформация. Или комплекс рыцаря? Не забудьте про ваше обещание составить антитот.

– О, – саркастически откликнулся Эншо, – леди Мэб, не переживайте. Мне эта связь нужна не больше вашего. По-

верьте, я от нее не получаю, как и вы, ни малейшего удовольствия.

Это было, честное слово, не совсем верно. При одном напоминании о сексе с этим мужчиной кровь прилиwała к щекам. Наколованное оно или нет, удовольствие всегда остается удовольствием. Просто это оставляет после себя дурной привкус. Чтобы избавиться от него, Мэб сделала еще один глоток кофе, и он начал ей нравиться. Сочетание горечи, сладости и пряности делало привычный кофе, который мама подавала в огромном серебряном кофейнике, потому что колониальное – это модно, чем-то иным.

Минут пятнадцать они пили свой кофе молча, в тишине. Слышно было, как тикают часы в маленькой прихожей, как потрескивает магический огонь и как приближается к коттеджу дождь. Вот он нахлынул, сперва истрепал кустарники за оградой, затем розы, а потом ударил тысячей капель по крыше, по старинной черепице, очень музыкальной. По полу пробежал сквозняк, заставляя сожалеть о том, что ноги босы и просто неприлично подбирать их, скрещивать вульгарно под полами халата. Впрочем, кого тут стесняться? Хочет Мэб того или нет – они с Эншо любовники.

Мэб забралась с ногами на кушетку, отложила блюдо и вцепилась в чашку обеими руками, слегка подогревая ее магией.

– Боюсь, леди Дерован, вы назовете меня параноиком, но... почему столько всего произошло одновременно? – ес-

ли бы Эншо не назвал ее имя, Мэб решила бы, что он разговаривает сам с собой. Он не сводил взгляда с огня в камине, а ложечка продолжала размешивать давно растворившийся мед. – Эта склянка, пожар, гибель Дьюкена, Лили Шоу. Неприятности и раньше случались одновременно, но это, как правило, прорвавшиеся в нескольких общежитиях трубы, засорившаяся канализация и прохудившаяся крыша.

– А это не может быть из-за гранта Верне? – предположила Мэб.

– Он, я так полагаю, не нам одним его обещал? – хмыкнул Эншо. Мэб кивнула. – И каковы его условия, критерии отбора, так сказать?

Мэб пожала плечами.

– Я не знаю. Однако глупо отрицать, единственные, кому принесет выгоду скандал в Абартоне – Эньюэлс.

– Дикие предположения множатся, – Эншо тяжело вздохнул. – Ладно, давайте пока не будем забивать этим себе голову, леди Мэб. Лучше будем решать проблемы постепенно. Найдите мне для начала достоверные упоминания о применении «Грёз».

– А как же Лили Шоу?

– Бросьте, это не ваша забота. Вы ведь у нее не преподаете?

Мэб ощутила вдруг себя оскорбленной этим тоном. Само собой разумелось, что ей нет дела до девушки-проститудинки, дочери портовой шлюхи, у которой она даже не препода-

дает. Само собой разумелось, что леди Мэб Дерован заботят только люди благородного происхождения.

– Знаете, – процедила Мэб, – если бы мне не лень было вставать, я бы вам залепила пощечину.

– Мне подойти? – хмыкнул Эншо.

Мэб сама поднялась, подошла, печатая шаг, и поставила с громким дребезгом чашку на столик. И нависла над Эншо, такое ей нечасто удавалось. Он смотрел на нее снизу вверх, взгляд ненадолго задержался на лице и скользнул вниз, туда, где халат распахнулся, почти обнажая грудь. Мэб вспыхнула и сгребла бархат в кулак.

– Я возьму Лили Шоу себе в помощницы, – процедила она. – Может быть, мне удастся узнать имя. А вы, будьте так любезны, сосредоточьтесь на составлении антидота. Я бы хотела в этом году съездить на каникулы, у меня совершенно нет настроения проводить их у вас в постели.

И, развернувшись на пятках, Мэб вышла из комнаты, гордо подняв голову. В прихожей она поскользнулась на небольшой луже, которая натекла через незакрытую входную дверь и едва успела ухватиться за лестничные перила. По счастью, свидетелей ее позора не было.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой многие необычные явления становятся рутиной

Леди Мэб Дерован начала его игнорировать на следующее утро и делала это виртуозно. Чувствовался опыт многих поколений предков-баронов, которые не замечали тех, кто их ниже по положению. Реджинальд был уверен, что у таких людей разработана целая система взглядов: на кого смотрят как на равных, на кого – как на пыль, ну а кого можно просто не видеть, ведь они ничтожнее пыли под ногами. Даже отдаваясь ему на кушетке, Мэб ухитрялась делать это так, словно в процессе не участвует. Только норовила укусить или исцарапать побольнее, и после Реджинальд изводил не меньше пузырька заживляющего бальзама, чтобы избавиться от следов. Больше они не разговаривали ни о Лили Шоу, ни о «Грёзах».

Говорить, впрочем, было не о чем. Реджинальд перепробовал все доступные способы: медицинские реактивы, магические воздействия, «Ящик Сурии», который пришлось тайком унести с кафедры, а потом, поминутно вздрагивая, возвращать обратно. Результат оставался нулевым. Каждый тест подтверждал, что на стекле остались следы зелья, но не позволял определить его точный состав. У Реджинальда начали

опускаться руки.

К концу недели жизнь его стала по-своему рутинной, а этого Реджинальд не переносил. Подняться, наскоро позавтракать, выпить чашку кофе, добежать до учебного корпуса, провести занятия, в перерывах проверяя состояние осколка – один из трех хранился в его личной лаборатории. Потом обед, который Реджинальд перехватывал в профессорской столовой, почти не чувствуя вкуса, еще занятия, а дальше несколько часов напряженных экспериментов с осколком. А потом, пока не пала темнота, он спешил домой, где трахал – молча, стиснув зубы, – леди Мэб на скрипучей кушетке и поднимался вверх. Здесь лежал второй осколок, и эксперименты с ним также не давали результатов.

Дни становились все теплее, все солнечнее, на Абартон надвигалась майская жара. Полушутя люди, проводящие в Университете большую часть своей жизни, рассказывали гостям, а также наивным первокурсникам, что это – следствие проклятья, наложенного когда-то на ежегодный Майский бал. В качестве виновников обычно называли Эньюэлс, и Реджинальд не сомневался, что у конкурентов тоже есть подобная история.

В жаркие дни жизнь потихоньку замирала, даже отъявленные смутьяны старались поменьше высовываться. Хотелось бы думать, что, оставив глупости, Миро и ему подобные готовятся к экзаменам, которые начнутся всего через две недели, почти сразу же после бала, но на это глупо было

надеяться. Скорее уж, они что-то замышляют или, в лучшем случае, отдыхают в прохладе своего великолепного, больше похожего на дворец дормитория.

Реджинальд, насколько мог, приглядывал за студентами Королевского колледжа, но это было непросто. Они редко появлялись на занятиях, а пересечься с ними в городке становилось все сложнее. В конце концов Реджинальд оставил попытки докопаться до истины и вплотную занялся зельем.

За неделю он исчерпал все доступные способы определить состав «Грёз», а также вдоль и поперек изучил литературу. В отдельных справочниках зелье описывалось, перечислялись весьма приблизительно входящие в его состав травы, минералы, реактивы, даже указывалась температура кипения. Но ни в одной книге не упоминались детали мелкие, но важные: корень или листья? сколько граммов толченой того или иного вещества? каковы точные пропорции? Все эти, на дилетантский взгляд, мелочи изменяли рецепт и результат до неузнаваемости. Кроме того, будучи зельем повышенной сложности, «Грёзы» были уникальны. Не существовало, должно быть, двух одинаковых его флаконов. Учитывая все это, Реджинальд все больше убеждался, что никто из студентов это приготовить не в состоянии, во всяком случае – правильно. Реджинальд пришел к выводу, что отслеживать это зелье нужно через аптечную сеть, полицию, торговцев ингредиентами – некоторые продавались только по рецепту и тщательно контролировались. Он собирался

уже пойти и рассказать обо всем ректору, но наткнулся в ходе изысканий на один параграф в законе о распространении опасных зелий. «Человек, принявший „Д47—24“, также известный как „Грёзы спящей красавицы“, должен быть изолирован от общества и помещен в карантин». Параграф не объяснял, сколько нужно держать человека – людей в данном случае – в карантине, но Реджинальд подозревал, что следует написать «пока он не скончается».

Связь становилась все прочнее. Реджинальд перепробовал не один десяток ослабляющих амулетов, разрывающих связь чар, настоек, повышающих сопротивляемость организма. Ничего не помогало. Каждый день наступала минута, когда голова пустела – с пугающей стремительностью – и все его существо концентрировалось только на одном. Немного помогало то, что остальное время леди Мэб его игнорировала. Достаточно было вспомнить, как брезгливо поджимаются губы, как кривится красиво очерченный рот, и темнеют глаза, и пропадало всяческое желание с ней заговаривать. Только чары, и ничего более. И когда, наконец, удастся от них избавиться...

На самом деле Реджинальд в это уже почти не верил, и будущее виделось ему сумрачным и беспросветным. Леди Мэб, казалось, позабывшая о своем обещании отыскать нужные книги, нисколько не помогала.

Просто поразительно, какие вещи способны стать рутинной. Мэб приноровилась к своей нынешней жизни, перестала видеть в ней что-то противоестественное. Днем работа, ночью – бурный, животный секс, после которого она сбегала к себе и закапывалась в библиографические справочники. Спала она в эти дни плохо, занятая попытками найти хоть что-то о «Грёзах».

На третий день, отчаявшись найти что-то в музее, Мэб оставила коллекцию на попечение Лили Шоу, удивительно старательной и аккуратной, и отправилась в библиотеку. Леди Хэнсло, бессменная библиотекарша, древняя, кажется, как само здание, удивилась своеобразному интересу Мэб, но удалось кое-как придумать более-менее правдоподобное объяснение, и ей предоставили нужные книги. В них немало говорилось о любовных зельях, «присушках», приворотях и отворотах, был даже справочник, вполне солидный, обстоятельно описывающий технику любовного гадания. Это была не одна дюжина толстых, тонких, полезных и бесполезных, научных и популярных книг, и «Грёзы спящей красавицы» были упомянуты всего дважды. Один раз – в перечислении запрещенных к распространению препаратов, второй – в законе об опасных зельях. Из всего прочитанного Мэб уяснила только две вещи: зелье это невозможно достать, и рассказывать о его применении она не станет, если не хочет оказаться «в карантине».

Одно Мэб представляла достаточно ясно: последствия необдуманных попыток сопротивляться. Рассказ о таких последствиях в итоге сыскался в музейных архивах, которые Мэб начала разбирать с удвоенной силой. Речь в тетради, засунутой в узкое пространство между шкафами, исключительно чтобы они не качались, шла об артефакте для связи, одном из прообразов нынешнего чарофона. Мэб вытащила тетрадь совершенно случайно, едва не повалила на себя шкафы, и пришлось подпирать их собственной спиной, отослав Лили за плотником. Дожидаясь господина Лэгдона, университетского служащего, Мэб пролистывала ветхие страницы, пока не наткнулась на описание откровенно неудачного эксперимента с «магоговорником» (словечко еще хуже «чарофона», над которым не прекращали потешаться последние тридцать лет). Автор этого «магоговорника», перестаравшись, установил между собой и подопытной – собственной женой – уникальную связь, которая становилась крепче как с каждой попыткой ею воспользоваться, так и при любой попытке разорвать ее. Она поглощала любую направленную магию. Чем дело закончилось, Мэб узнала не из дневника – он оказался незакончен, и в конце оставалось еще двадцать или тридцать пустых страниц, а из университетского словника. Люсьен Марто скончался в возрасте тридцати шести лет от истощения, а его жена окончила свои дни в безумии. Связь, по свидетельствам очевидцев, и после смерти никуда не делась. Состояние могилы Марто словником описывалось

как «удручающее». Мэб дала себе слово взглянуть на эту могилу, благо горе-экспериментатор был погребен на местном кладбище, но ее к концу недели захватила рутина иного толка.

Приближался Майский бал. Он был не таким грандиозным, как Осенний бал, который ежегодно посещала королевская чета. Прежде всего, сказывалось то, что вскоре после празднества начинались экзамены, и студентам не давали слишком расслабиться. Однако Майский бал также имел значение, чисто обрядовое. В эту ночь укреплялись древние основы самого Университета, как было заведено все 644 года со дня его основания. В обряде участвовали все преподаватели знатного происхождения, и самой Мэб в нем отводилось важное место. Неизвестно, произошло бы что-то дурное, если бы обряд не был проведен. За истекшие сотни лет не нашлось смельчака это проверить.

К ритуалу Мэб готовилась каждый год, это давно уже вошло у нее в привычку, а сейчас вдруг стало тягостным. Слова магической формулы вылетали из головы, она не могла вспомнить мелодию, и правильные жесты ей не давались. Это пугало, это напоминало о магическом истощении, от которого скончался почти сто лет назад Люсьен Марто.

Оставив библиотеку, Мэб разыскала несколько десятков библиографических справочников, и каждую ночь изучала их пристально, порой даже с лупой – у старых книг ужасный мелкий шрифт – в поисках нужных материалов. Нигде не бы-

ло и следа «Грёз», и начало уже казаться, что единственная книга, где о них сказано больше двух слов, это учебник «Углубленное изучение ядов и зелий» для шестого курса под редакцией Саванти, сто сорок четвертая страница, абзац третий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Эньюэлс делает ход

До бала оставалось меньше недели. Учеба была отложена. Преподаватели-аристократы подобно Мэб готовились к ритуалу, простолюдины занимались бумажной работой – зачистую она специально откладывалась на это время. Девушки-студентки выбирали платья, и две модистки из приуниверситетского города за несколько дней зарабатывали столько же, сколько за целый год. Ученицы Колледжа Принцессы специально брали разрешение на посещение Кингемора. Мэб хорошо помнила, как много лет назад волновалась, предвкушая такие поездки. Ничто не сдерживало ее, никто не мог указать, какое платье она должна надеть. Тогда, наверное, она впервые поняла, что такое свобода. Чуть позднее стало, конечно же, ясно, что к платьям свобода никакого отношения не имеет, но вопрос личного выбора важен. Никто не должен делать его за тебя, даже если речь идет о цвете перчаток.

Сейчас Мэб немного сожалела, что Майский и Осенний балы утратили свое очарование. Слишком много было в ее жизни балов, приемов, вечеринок, и со временем они стали сливаться между собой в одну сплошную пеструю и шумную массу. Они стали утомительны.

Все же пару часов образовавшегося свободного времени Мэб потратила на подбор платья, остановив свой выбор на изумрудно-зеленом с золотой отделкой, и к нему у нее были роскошные зачарованные туфли, зеленовато-белые с тонкой черной отстрочкой. В этой паре можно было танцевать без усталости всю ночь напролет. Впрочем, скорее всего они пригодятся не для танцев, а для того, чтобы метаться по территории Университета, вылавливая нарушителей правил.

Платье было отдано модистке – немного освежить отделку, хотя едва ли кто-то осмелился бы сказать, что леди Дерован носит нечто, вышедшее из моды. Оставив задаток, Мэб отправилась назад, к музею, чтобы еще раз в тишине повторить детали ритуала. Первый этап должен был начаться уже сегодня на закате.

Проходя мимо оставшегося на месте пожарища черного прямоугольника – даже стены уже растащили, – Мэб остановилась ненадолго. Ректор молчал, как и пожарная служба. До сих пор не было объявлено официальной причины возгорания, и это нервировало изрядно. Казалось, если руководство Университета молчит, значит, дело нечисто. Мэб не сильна была в предсказаниях, да и не доверяла им особо, но чувствовала нечто дурное, темное, нависшее над Абартонном. А может быть, все дело было в том, что сама она устала, вымотанная работой и чарами, которые потихоньку пили ее силы. Страсть, которой невозможно сопротивляться, теперь больше напоминала затяжную зубную боль, не силь-

ную, но лишаящую способности говорить и улыбаться.

– Леди Мэб!

Громкий оклик заставил ее вздрогнуть и обернуться. По центральной аллее от Главного здания неспешным прогулочным шагом приближались Кристиан Верне – его Мэб не видела уже больше недели, с того самого неудачного обеда, и Джермин, которого бы еще сто лет не видеть.

– Кристиан. Доктор Джермин, – Мэб выдавила улыбку и протянула руку.

Верне ее поцеловал, Джермин, верный дешевому «демократизму» Эньюэлса, – пожал, его сухая ладонь Мэб совершенно не понравилась. Она поспешила отнять руку, сунуть ее в карман.

– Я имел весьма познавательную беседу с вашим ректором, леди Мэб, – улыбнулся Джермин, – и даже был приглашен на бал. Могу ли я заранее попросить вас о танце? Готов поспорить, у вас все расписано.

– Попросить вы, несомненно, можете, – суховато улыбнулась Мэб. – Но не уверена, что я вообще буду в этот раз танцевать. Недели выдались суматошные, Доктор.

Джермин бросил короткий взгляд на оставшийся от общежития фундамент, на землю, хранящую следы пожара. Возможно, в Мэб говорила неприязнь, но ей почудилось, что тонкие губы заместителя ректора тронула довольная улыбка.

Нет, не следует ничего выдумывать. Едва ли Эньюэлс пошел на преступление, на поджог и убийство. Скорее уж они

будут жульничать на августовской регате, как было всегда.

— Не составите нам компанию, леди Мэб? — предложил Верне, будто бы и не замечающий повисшего в воздухе напряжения. — Выпьем по стаканчику в вашем замечательном пабе. Вспомним старые добрые студенческие деньки. Ведь мы, представьте себе, учились с Джермином в одном колледже. Затем он поступил в Эньюэлс, а я вон как далеко забрался.

Верне рассмеялся несколько, как показалось Мэб, натужно.

Ей хотелось сказать, что уж у нее-то нет никаких общих воспоминаний с доктором Джермином, если не брать в расчет краткие эпизоды долгой межуниверситетской войны. Но налетевший ветер заставил ее поежиться, и сразу накатила усталость. Мэб сообразила, что больше недели уже крутится, как белка в колесе, мало спит, мало ест и совершенно не отдыхает. Стаканчик ей точно не повредит, прежде чем она вернется к работе.

А после бала она непременно напьется вдрызг.

Руку Верне Мэб проигнорировала, выйдя вперед на пару шагов. Пусть уж лучше любят ее изящными изгибами. Судя по смешкам, вид им нравился, а, может быть, Мэб слишком много себе воображала, и старые школьные приятели у нее за спиной делились сейчас какими-нибудь древними, пропыленными историями. Сейчас и она бы с удовольствием посмеялась с кем-то на пару, выпила чаю, сходила

в кино – на новый, нелепый фильм-ревью с восхитительными музыкальными номерами, как обещали яркие афиши. Что угодно, лишь бы забыть о проблемах, взваленных на плечи.

Сегодня в пабе было почти пусто. Погода стояла жаркая, и студентов чаще можно было встретить у озера, как и некоторых преподавателей. Те же, кому возраст и положение не позволяли резвиться на мелководье или даже кататься на лодках вдоль берега, прятались в прохладе старых университетских корпусов. Мэб со спутниками без труда нашли столик возле окна, откуда можно было разглядеть высокие острые башни собора.

Заказав себе бокал грушевого сидра, Мэб потягивала его неспешно и изо всех сил пыталась поучаствовать в беседе. Однако, она была рассеяна, усталость и недосыпание взяли свое. Кажется, на какое-то время Мэб если не отключилась, то настолько глубоко ушла в себя, что перестала что-либо видеть и слышать. Очнуться ее заставил знакомый крик с улицы. Она научилась уже узнавать пронзительный голос Лили, обычно такой тихой. Лили боялась пауков, которых в музейном хранилище хватало, и не раз Мэб приходилось прибегать ей на помощь. Кажется, это начало входить в привычку, словно она взяла девушку в свои личные ученицы. Вот и сейчас Мэб выскочила из-за стола, едва не уронив стул, бросив на ходу извинения.

– Что здесь происходит?!

Лили сидела на полу, синяя форменная юбка задралась,

обнажая ноги до самых колен – на левом красовалась ссадина, чулки с дырами и затяжками. От туфельки отлетела пряжка и валялась в полуметре от девушки. Над ней стоял – не было и сомнений! – Миро, потирая затылок, а между ним и Лили – пухленькая рыженькая молодая женщина, которой прежде Мэб не видела. Вид она имела воинственный из-за растрепанных волос, придающих нешуточное сходство с легендарной королевой Бондушкой, а также длинного вандомского батона, выглядевшего как внушительное оружие.

– Я просто хотел помочь однокурснице, – елеённым голосом ответил Миро, – а эта сумасшедшая... Она... Она...

– Огрела его батонем, – спокойно закончила рыженькая. – С тебя четырнадцать пенсов за порчу товара.

Миро вздернул подбородок.

Мэб отмахнулась от обоих и помогла Лили подняться. Девушка поспешно одернула юбку и отвела взгляд, избегая смотреть на Миро. Был ли он тем самым соблазнителем? Мэб так и не смогла добиться от Лили Шоу правды.

– Так что все же здесь произошло?

– Я очень спешила к вам, – пробормотала девушка, – оступилась и упала. Больше ничего.

Мэб вздохнула.

– Хорошо. Будем считать, что так. Можете идти, лорд Миро, ваша помощь здесь больше не требуется. И вы, мисс?....

– Карла Клэй, – рыженькая бесцеремонно протянула руку для пожатия и сделала это так, что отказаться было невоз-

можно. – Я открыла кондитерскую.

– Учту, – сухо кивнула Мэб. – Итак, Лили, почему же ты спешила?

Девушка подошла почти вплотную и шепнула, точно это был невероятный секрет, который следовало оберегать ото всех:

– Мне кажется, профессор, кто-то побывал в музее.

– Потрясающе! – согласилась Мэб, не сдержав смешок. Это и в самом деле было событие.

– В хранилище, – ничуть не обиделась Лили. – Перерыли артефакты, которые мы закончили сортировать.

Мэб удивленно вскинула брови. Кому вообще могло понадобиться что-то искать в университетском музее? Все самые ценные вещи – рабочие артефакты и знаменитые полотна – хранились в сейфе ректора, в главном корпусе, в профессорской. В музей относилось все то, что уже не могло принести пользу, либо же не имело особой художественной или исторической ценности. Мэб и запирать бы его не стала, кабы не некоторые, слишком склонные к шалостям студенты.

– Что-нибудь пропало? – спросила она и тотчас же поняла, что сморозила глупость. Коллекция до сих пор пребывает в таком состоянии, что ее можно разворовать потихоньку, и никто ничего не заметит. – Я сейчас приду, Лили. Дождись меня.

Мэб вернулась в паб, залпом допила сидр под удивленными взглядами мужчин и выдавила улыбку:

– Простите, Доктор, Кристиан, у меня появились неотложные дела. Если я буду настроена потанцевать на балу, Джермин, один танец ваш.

Поставив стакан, Мэб выскочила за дверь и взяла под локоть терпеливо дожидаящуюся ее Лили.

– Идем, взглянем на хранилище. Кому могло потребоваться в нем что-то искать?

* * *

– Каков наглец, а! – ректор раздраженно ударил кулаком по столу, так что письменный прибор из массива камня и бронзы подскочил, а чернильница задребезжала крышечкой. – Заявился и утверждает, что мои студенты... мои студенты...

У вон Грева, должно быть, дыхание перехватило от возмущения. Он замолк, потянулся за чашкой и осушил ее в два глотка. Реджинальд терпеливо ждал продолжения. Ректор неоднократно показывал, что они друзья, но, конечно, это было не так. Если уж вон Грев вызвал Реджинальда к себе, значит, у него есть задание, просьба в лучшем случае.

Остыв немного, ректор смог продолжить уже нормальным тоном.

– Доктор Джермин осмелился намекнуть, что некоторые наши студенты, исключительно достойные молодые люди, ночью переправляются на лодках через озеро и устраивают

дебош на территории Эньюэлса. Я, конечно же, заявил, что это невозможно.

– Но это возможно, – вздохнул Реджинальд.

Ректор развел руками, и на губах его появилась мечтательная улыбка.

– Украсть талисман их команды. Превратить униформу в рубище парой простых, но действенных заклинаний. Вылить на ведомости изменяющий записи состав. Эх, право, жаль, что в мои годы там не учились девчонки. Я бы соблазнил парочку.

Реджинальд едва заметно поморщился, что, впрочем, не ускользнуло от внимания ректора.

– Все верно, Реджи, вы и в юные годы были таким же занудой, как сейчас.

– Как правило, это уберегало моих товарищей от слишком опасных затей, – пожал плечами Реджинальд. – Что от меня требуется? Едва ли нотации «зануды» вразумят наших ретивых молодых людей.

– Конечно же, нет. А вот амулеты надлежащего качества смогут. Такие, чтобы им надолго расхотелось покидать без разрешения территорию Университета. Сегодня на закате мы проведем ритуал, магический фон будет повышен, так что вам не составит труда...

Звучало это так, словно Реджинальду нужно пришить пару пуговиц к рубашке, а не сделать несколько дюжин артефактов самой тонкой настройки. Дело бы пошло куда быст-

рее, если бы можно было зачаровывать амулеты на отрывание ретивым юнцам конечностей. Но едва ли родители – все до единого знатные попечители, Реджинальд не сомневался, чьи фамилии увидит в черном списке, – обрадуются, если их дети недосчитаются рук, ног, а то и голов.

– У вас будет два свободных дня на это, – продолжил ректор невозмутимо, словно задача была предельно простой. – И, конечно, можете воспользоваться лучшими материалами, я выдам вам ордер.

Реджинальд сощурился. Попасть на университетский склад – какое заманчивое предложение. Там хранилось множество ценных вещей, к которым и не все преподаватели имели доступ, в том числе дополна заряженных защитных артефактов. Пара таких здорово помогла бы ему сейчас сохранять рассудок, трезвую голову и работоспособность.

– Ректор, могу я работать дома? – поинтересовался Реджинальд, мысленно составляя список необходимого. – Это здорово сэкономило бы мне время.

– Будете собирать амулеты на кухне? – ухмыльнулся вон Грев.

– Может быть, – улыбнулся Реджинальд. – Могу и на кухне, хотя у меня оборудована неплохая лаборатория. Если мне потребуются дополнительные экраны, думаю, леди Дерован в помощи не откажет.

– Вы наконец-то поладили? – оживился ректор и принялся внимательно оглядывать Реджинальда, словно примирение

с Мэб Дерован должно было как-то отразиться на его лице.

– Не сказал бы, – честно ответил Реджинальд. – Но мы с леди Дерован пришли обоюдно к выводу, что не следует мешать работу и личную неприязнь.

– Очень рад, очень рад, – вон Грев потер свои мягкие пухлые ручки. – Хорошо, вам – и только вам, Реджи, смотрите не проболтайтесь! – я разрешаю работать на дому. Я верю в вашу осторожность, но, пожалуйста, не нужно второго Лидэнс-билд!

– Тут вы можете быть спокойны, – уверил его Реджинальд. Ректор вытащил из стопки бумаг бланк, быстро заполнил шапку, поставил подпись и минут пять потратил на поиски печати, вполголоса поругивая своего секретаря. Наконец он с улыбкой протянул ордер Реджинальду.

– Все необходимое впишите сами, вы лучше меня разбираетесь. Но постарайтесь, все же, сэкономить. Сделайте нам сотню амулетов при минимуме затрат, – и вон Грев подмигнул, как пьянчужка-лепрекон с рекламы кредитной конторы.

На языке вертелся вопрос, последует ли за это прибавка к зарплате или хотя бы премия, но Реджинальд проглотил его. Жадность до добра не доводит, и следует брать ордер, пока ректор в таком хорошем настроении. И постараться вписать в него все самое необходимое и толику излишеств, но так, чтобы никто о том не догадался.

На составление списка ушло двадцать минут и четыре порванных и сожженных в ладони черновика. Наконец Реджи-

нальд остался доволен результатом. Список выглядел солидно, невинно, в нем было все необходимое для приготовления сотни сдерживающих юношеские порывы амулетов. И кое-что еще, легко объяснимое: что-то укрепить, что-то подкорректировать, усилить щиты, необходимые при изготовлении подобных амулетов и неизбежном выбросе энергии. Гвидо Лэнт, хранитель (по большому счету тот же завхоз, но наделенный просто непомерной властью), долго изучал бумагу, поднося ее к глазам, отодвигая, сличая подпись и печать с имеющимися у него в тетрадах, словно Реджинальд мог принести подделку. Наконец он без малейшей приязни кивнул и велел следовать за ним.

Никто из профессоров не любил связываться с Лэнтом, у него зачастую невозможно было выпросить пачку бумаги. Пока Реджинальд собирал все необходимое для амулетов в коробку, хранитель не сводил с него враждебного взгляда, и пришлось применить некоторую ловкость рук. Проходя мимо стенда с готовыми и заряженными защитными амулетами, Реджинальд стащил пару, воспользовавшись давней, но не позабытой еще наукой. Цепкие пальцы и умение действовать незаметно, изящно отвлекая внимание, кормило его лет в десять, когда юный Эншо еще не помышлял о магии, а мечтал скопить денег и уехать в колонии. Амулеты перекочевали в карман, и Реджинальд с самым невозмутимым видом раскланялся с Лэнтом и покинул хранилище.

На западе алым полыхал закат, играя на медных кры-

шах профессорского городка. Без уродливой громады Лид-энс-билд было все еще неуютно, но следовало признать – то здание куда лучше смотрелось бы в Эньюэлсе с его причудливой и вместе с тем бесцветной современной архитектурой. Воздух слегка дрожал от творимой магии. В подвале главного здания шел первый этап ритуала. Реджинальд так и не смог за годы пребывания в Университете понять, есть ли от всего этого какой-то толк, но привычно радовался, что низкое происхождение не позволяет ему войти в почтенный круг. От такого количества сырой, свободной, ничем не сдерживаемой магии у него начиналась мигрень. Сила плыла в воздухе, рассыпалась огоньками.

Реджинальд быстрым шагом пересек лужайку и нырнул под своды зачарованной рощи. Привычно упал полог тишины, и словно отрезало неприятное магическое воздействие. Поставив коробку с материалами и инструментами на край скамейки, Реджинальд сел рядом и прикрыл глаза, переживая магическую бурю. Она бушевала за зелеными стенами еще минут пятнадцать, а потом, как подсказало чутье, пошла на убыль. Тогда Реджинальд поднялся и, пройдя рощу насквозь, спустился к озеру. Над водой поднимался туман, пурпурный от насыщающей его магии. Он вихрился и в десятке метров от берега вставал стеной, отмечая границу владений Абартона. Что ж, по крайней мере сегодня студенты остерегутся соваться на тот берег озера.

До дома Реджинальд дошел неспешно уже в сумерках.

Живот сводило от голода и ставшего привычным желания. Казалось, его можно побороть, но Реджинальд понимал, что это только иллюзия. Что ж, с проблемой следует покончить немедленно, потом хорошенько выспаться и приступить к амулетам. Сперва, конечно, изучить и поставить защиту и попытаться как-то блокировать воздействие «Грёз». В том, что сотня амулетов будет готова к послезавтрашнему утру без особых усилий, Реджинальд не сомневался.

Он поднялся на крыльцо, шагнул в прихожую и замер. Из гостиной доносился тихий плач. Звук обычный для Университета, здесь постоянно кто-то что-то оплакивает, но только не леди Мэб Дерован. Реджинальд поставил коробку на ступени, шагнул в комнату и нашарил выключатель.

– Леди Мэб, что с вами?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой намечается перемирие

Усталость копилась больше недели, и вот теперь выплеснулась, навалилась на Мэб, лишая способности соображать ничуть не хуже зелья. События последних часов воспринимались тягостным сном, Мэб не была до конца уверена в их реальности. Она сходила с Лили в музейное хранилище, где и вправду был больший, чем обычно, беспорядок. Тщательно заперла дверь, сдала ключ на вахту – как делала не всегда. А потом отправилась в подвал Главного корпуса, где готовился ритуал. Все это Мэб помнила, и в то же время это казалось видением, фантазмом. Она чувствовала, как во время обряда рождается магия, проходит сквозь ее тело, изливается в воздух, но с другой стороны это было совершенно нереально.

И она не могла вспомнить, как оказалась дома.

Полулежа на кушетке, противно скрипящей при малейшем движении, Мэб смотрела безучастно в окно, где давно уже отгорел закат и сгустилась тьма. Не хотелось думать – вообще. Ни о скором приходе Реджинальда Эншо, ни о «Грёзах», ни о свершенном ритуале. Стоило только задуматься о последнем, и начинало казаться, что Мэб напутала что-то, и теперь все пойдет наперекосяк.

Напомнило о себе вождение, но и оно сейчас было каким-то вялым, слабым, словно начало уставать, если такое возможно для чар. Мэб никогда не слышала про утомленные, утратившие силу, подобно людям, чары, но это было бы забавно.

Скрипнула дверь, спустя мгновение вспыхнул свет и низкий голос с раскатистым, волнующим «эр» произнес:

– Леди Мэб, что с вами?

Странное дело: ни одного «эр» не было произнесено, но оно, проклятое, звучало в ушах Мэб, заставляло вибрировать нервы, щекотало кожу. Мэб вздохнула и попыталась подняться. Когда ей это не удалось – мышцы были как желе – Мэб махнула вяло рукой.

– Эншо, давайте вы сегодня как-нибудь сами, а я просто полежу.

– Это начинает напоминать брак, – проворчал Реджинальд, быстрым шагом пересекая комнату. Присев на корточки, он твердыми пальцами взял Мэб за подбородок, заставляя поднять голову. – Так.

Это «Так» Мэб совершенно не понравилось. В одно короткое, резкое слово уместилось слишком многое: раздражение, понимание, толика гнева и очень много возбуждения. Тело отозвалось на близость мужчины, к которому так тянуло. И вот тут наблюдалось странное, даже страшное противоречие: сил у Мэб не было даже на то, чтобы пошевелиться, а внутри все горело, жаждало объятий, грубого, сильного,

торопливого соития, удовлетворения. Не-ет, отзывалась тянущей болью каждая мышца, давай просто полежим. На это чары отзывались своей болью.

– Вы плакали? – Реджинальд усадил ее, оперев на спинку диванчика, точно безвольную тряпичную куклу. Там, где он касался, тело пылало огнем. Запах щекотал ноздри. Возбуждение накатывало, вдавливало Мэб в землю, причиняло боль.

– Я... не знаю, – Мэб сморгнула, пытаясь вернуть себе способность связно мыслить. Все плыло, кружилось, перед глазами плясали цветные искры. Наколдованная страсть мешалась с усталостью, и Мэб не была уверена, что переживет то самое ожидаемое бурное соитие.

Рука, почти грубо удерживающая подбородок – воображение, от которого Мэб не ожидала подобной разнузданности, подкинуло пару пикантных, на грани, картинок – повернула голову вправо, влево, изучая лицо. Пальцы оттянули веко. Мэб снова сморгнула и попыталась отстраниться, однако, раздираемая противоположными желаниями, упала в объятья Реджинальда. От него пахло травами, дорогим алкоголем, магией, сырым волшебным туманом, что сейчас окутывал озеро. Эти ароматы хотелось пить, они дурманили голову подобно чарам. Они дурманили голову *благодаря* чарам.

– Нет, так не пойдет! – Реджинальд резко отстранился.

Мэб застонала. Тело налилось сладкой болью, грудь пульсировала, между ног было горячо и влажно. Сейчас, сейчас,

бормотала она, возьми меня. Пальцы впились в перламутровые пуговицы рубашки, слишком мелкие. Ну кто из мужчин сейчас носит перламутровые пуговицы?! Мы живем в прошлом веке? Мэб едва не застонала от досады, неспособная сию же секунду получить желаемое. Они должны быть голые. Немедленно. Голые, сплетенные прямо тут, на возбуждающе скрипящей кушетке. Пальцы справились, наконец, с двумя пуговицами из бесконечного ряда, скользнули под рубашку по гладкой коже. Мэб втянула носом возбуждающий аромат.

Хлесткий удар по лицу отбросил ее на кушетку.

– Что вы выпили? Бесполезно, – в голосе Реджинальда звучала досада вкупе со знакомой сексуальной хрипотцой. Ни у кого из любовников Мэб (коих было, следует признать, трое, включая этого) не было такого волнующего голоса. – Леди Мэб! Мэб, черт бы тебя побрал!

Фамильярности и ругательства звучали тоже очень возбуждающе. Мэб купалась в звуках этого голоса, в прикосновении сильных рук, сжимающих ее тело. Горячее, возбужденное тело ощущалось сквозь слои одежды, которой и на Мэб было чересчур много. Ну, кто только придумал все эти форменные мантии, жакеты, платья, нижнее белье! Почему столько препятствий на пути к счастью?!

Ледяная вода оказалась для истерзанных, струнами натянутых нервов Мэб слишком серьезным испытанием. Острое, схожее с оргазмом чувство охватило ее и швырнуло во мрак.

В себя она пришла от холода, стуча зубами, слыша соб-

ственные ругательства. Оставалось только гадать, откуда Мэб знает все эти слова и как только хватает воображения соединять их подобным образом.

– Пришли в себя?

Мэб подняла голову и свирепо посмотрела на Эншо. Возбуждение и усталость никуда не делись, но гнев оказался сильнее. На мгновение почудилось, как руки сжимаются на горле мужчины. Мэб медленно разжала пальцы, стискивающие бортик ванны, и поднялась. С одежды ее текла ручьями холодная вода.

– Грозно, – прокомментировал Эншо и поймал ее, поскользнувшуюся на кафельном полу, за талию. – Особенно это. Где у вас полотенца?

– Идите к черту, – посоветовала Мэб.

Она с радостью приняла бы помощь сейчас, когда тело сковывали боль, усталость и неудовлетворенное вожделение, но только не от него. Эншо, впрочем, и сам уже, не смущаясь, обыскал шкафчик, достал полотенца, постоял пару мгновений, разглядывая Мэб, и отложил их в сторону. Пальцы проворно, куда лучше, чем вышло бы сейчас у нее самой, справились с крючками, и мантия тяжело соскользнула с плеч и с плеском шлепнулась в ванну. За ней последовал жакет. Когда мужчина взялся за застежку платья, Мэб наконец очнулась и попыталась остановить его, зная, впрочем, что прикосновение приведет только к одному: они окажутся в объятиях друг друга прямо здесь, на полу, совокупающиеся, как

дикие животные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.